

ГИЗУМ ГЕРКО

ПАРАЛЛАКС
ВЭНСА

18+

Гизум Герко

Параллакс Вэнса

<https://litres.ru/73814659>

SelfPub; 2026

Аннотация

Молодой капитан-вундеркинд, сломленный грузом прошлой фатальной ошибки, и его неидеальный экипаж на экспериментальном исследовательском крейсере «Параллакс» перехватывают сигнал исчезнувшей расы Архитекторов.

Оказавшись между трусливой бюрократией собственного командования и безжалостными наемниками Синдиката, они вынуждены стать изгоями, чтобы разгадать тайну, способную спасти или уничтожить галактику.

Сюжет книги происходит во вселенной серии "Звезданутый Технарь" за 30 лет до описываемых в ней событий. Главный герой - молодой и амбициозный капитан Вэнс, в будущем ставший идеальным наставником и куратором для Роджера Форка, героя серии "Звезданутый Технарь".

Серии не связаны между собой напрямую, можно читать в любой последовательности.

Содержание

Глава 1: Хорошо, что ты пришел	4
Глава 2: Любовь с первого взгляда	21
Глава 3: Луженая глотка устава	39
Глава 4: Материнские объятия	55
Глава 5: Биологическая неполноценность	67
Глава 6: Интервью с суперзвездой	82
Глава 7: Десятикратный разгон	95
Глава 8. Бог из машины	108
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Гизум Герко

Параллакс Вэнса

Глава 1: Хорошо, что ты пришел

Салон VIP-шаттла Объединенного Конкордата.

Капитан Вэнс сидел в глубоком кресле, выпрямив спину так, словно проглотил титановый лом. Каждая пуговица его кителя, начищенная до невозможного блеска, отражала стерильный белый свет потолочных панелей. Идеально выглаженная форма сковывала движения, крахмальный воротничок впивался в кожу шеи, напоминая о необходимости сохранять достоинство в любой ситуации. Со стороны он казался ожившим плакатом из призывного бюро: молодой герой, вундеркинд, воплощение дисциплины и верности уставу. Однако внутри этого панциря билось сердце, пропустившее слишком много ударов за последние несколько месяцев.

Вэнс поправил обшлаг правого рукава, скрывая старый шрам от плазменного ожога. Руки подрагивали едва заметно, но для него самого этот тремор ощущался как землетрясение в десять баллов. Он не мог позволить себе слабость сейчас, когда до встречи с новым экипажем оставались считанные минуты. Адмиралтейство ясно дало понять, «Параллакс» его последний шанс смыть пятно со своей репутации.

Или, что вероятнее, удобная свалка для офицера, ставшего слишком опасным для штабных коридоров Центавры. Вэнс чувствовал себя ценным грузом, который везут на утилизацию в красивой обертке.

— Капитан Вэнс, мы вышли на финишную прямую, — раздался из динамиков механический голос бортового ИИ шаттла. — До точки рандеву три минуты.

— Хорошо, — отозвался Вэнс. Голос прозвучал суше, чем пески выжженной планеты. — Просто выведи картинку на основной монитор.

— Как скажете, сэр.

Пальцы левой руки зажили своей жизнью. Указательный, средний, безымянный — они мерно выстукивали ритм по кожаному подлокотнику. Один, один, два, три, пять.

Это не было нервным тиком. С каждым ударом пальцев Вэнс чувствовал, как тихий, едва уловимый гул микро-сервоприводов под кожей предплечья синхронизируется с его пульсом. Искусственные синапсы скрытого под идеальной формой кибернетического протеза разгоняли нейроны, очищая разум от лишних эмоций. Математика не знала жалости, и именно она делала его идеальной вычислительной машиной.

— Капитан, ваш пульс... — снова подал голос ИИ шаттла.

— Отключить голосовые уведомления, — ледяным тоном бросил Вэнс.

Динамики послушно щелкнули и заткнулись. Вэнс попра-

вил обшлаг левого рукава. В Адмиралтействе думали, что отправляют на свалку сломанного офицера. Но они ошибались. Туда отправлялся калькулятор, который уже начал подсчитывать их ошибки и промахи.

В ушах внезапно возник тонкий, сверлящий звук. Явно, не поломка двигателя или свист воздуха.

Вэнс зажмурился. Снова этот проклятый скрежет рвущегося металла, который преследовал его с того самого дня на Кассиопее. В темноте перед глазами вспыхнули красные аварийные огни эсминца «Вектор». Он почти физически ощутил жар реакторного отсека и холодную поверхность рычага, который навсегда разделил его жизнь на «до» и «после». Двенадцать человек. Всего двенадцать. Малая цена за спасение пяти тысяч колонистов, задыхающихся внизу под градом обломков. Так гласила официальная версия Конкордата. Но в тишине зала Трибунала ему отчетливо слышались шепотки за спиной.

— Смотрите, это же тот самый Мясник с «Вектора», — прошипел воображаемый штабной офицер, чье лицо Вэнс так и не смог запомнить.

— Калькулятор в человеческом обличье, — вторил другой голос, сочащийся презрением. — Интересно, он вообще чувствует вину или просто вычеркнул их из реестра как списанное имущество?

Вэнс резко открыл глаза и глубоко вдохнул. Призраки временно отступили, оставив после себя лишь липкий пот на

ладонях. Он потянулся к инфопланшету, лежащему на соседнем сиденье. Пальцы привычно скользнули по сенсорному экрану, вызывая текст Общего Устава Космического Флота. Статьи, параграфы, приложения. Это была его броня, его персональная Библия. Если следовать правилам до последней запятой, ты всегда прав. Даже если за тобой тянется шлейф из трупов коллег.

Устав не ошибается.

Ошибаются люди, которые пытаются быть добрее, чем есть на самом деле.

Шаттл заложил крутой вираж. Перегрузка вдавила Вэнса в кресло, возвращая в реальность.

— Что там?

— Внимание, визуальный контакт, — объявил ИИ. — Приготовьтесь к культурному шоку, капитан. Датчики зафиксировали отклонения от стандартных чертежей проекта на четыреста процентов.

Капитан прильнул к иллюминатору. Впереди, на фоне бесконечной россыпи звезд, парил «Параллакс». Но совсем не то судно из рекламных буклетов Конкордата, что он увидел буквально неделю назад. Вместо гладкого, стремительного силуэта взору предстало нечто асимметричное и из-за этого пугающее. Корабль напоминал плод любви гигантского пылесоса и радиотелескопа, в придачу, с ощущением, что его собирали в спешке и под обстрелом.

Огромный параболический воротник сенсорных антенн

опоясывал носовую часть, и по нему постоянно пробежали золотистые искры статических разрядов. Казалось, судно окружено ореолом безумного электрического бога.

Вэнс нахмурился, вглядываясь в детали обшивки.

— Что это за чертовщина по левому борту? — прошептал он, не веря своим глазам.

— Мой анализ показывает, что это кустарная лазерная сварка, выполненная в условиях открытого космоса с явным нарушением всех норм техники безопасности, — бодро ответил ИИ. — А вон те синие полосы, армированный полимерный закрепитель. В простонародье известный как «синяя изолента». Кажется, она удерживает одну из панелей внешнего радиатора.

— Изолента? На экспериментальном крейсере за пять миллиардов кредитов? — Вэнс почувствовал, как левый глаз начинает нервно дергаться. — Это противоречит пункту восемь, раздел три: «Использование несертифицированных материалов в ремонте критических систем запрещено под угрозой трибунала».

— Боюсь, трибунал на этом корабле, понятие абстрактное, сэр. Мы входим в стыковочный коридор.

Корпус «Параллакса» приближался, подавляя своими габаритами. Вблизи корабль выглядел еще более потрепанным. Повсюду виднелись заплатки из разнородных металлов, следы копоти от плазменных двигателей и торчащие из-

под неплотно пригнанных панелей пучки кабелей. Ожидаемый Вэнсом исследовательский крейсер оказался летающей лабораторией Франкенштейна, созданной лишь для того, чтобы бросать вызов здравому смыслу. И теперь он должен был стать мозгом этого чудовища, управлять людьми, которые, судя по всему, использовали устав исключительно как подставку под кружку с кофе.

Шаттл медленно вплывал в зев ангара.

— Проверь протокол приветствия. Я хочу, чтобы все было по инструкции. Почетный караул, доклад старшего помощника, полная субординация.

— Капитан, я связался с диспетчерской «Параллакса». Они ответили, цитирую: «Пусть этот пижон в белом кителе подождет, у нас тут конденсатор в карбюраторе опять начал барахлить». Конец цитаты.

Вэнс сжал кулаки так, что костяшки побелели. Хаос.

Его отправили разгребать авгиевы конюшни технологического прогресса. Но за фасадом педантичности и сухих цифр в нем просыпался тот самый азартный тактик, который когда-то закончил Академию экстерном. Если Конкордат хотел спрятать его здесь, они совершили ошибку. Он заставит этот ржавый кусок металла сиять. Он выдрессирует этот сброд, даже если ему придется зачитывать им параграфы устава по десять раз на дню.

— Сэр, мы входим в зону захвата. Дистанция, триста метров, — доложил механический голос ИИ шаттла. — Магнит-

ные захваты «Параллакса» активированы. Рекомендую подготовиться к стыковке.

Вэнс кивнул, не сводя взгляда с приближающегося ангара. Его воротничок, тугой и крахмальный, казался сейчас петлей палача.

Он привык к идеальным маневрам на Центавре, где корабли швартовались мягче, чем оседает пыль в вакууме. Но «Параллакс» не выглядел как судно, склонное к нежностям. Вэнс чувствовал, как вибрация чужого реактора передается через пустоту, отдаваясь зудом в подошвах его ботинок.

Удар. Магнитные захваты ангара сработали с грацией ржавой кувалды. Тяжелая махина шаттла дернулась, когда силовые поля попытались втянуть ее в пазы, не предназначенные для такой скорости. Системы навигации взвыли, сигнализируя о критическом рассогласовании векторов. Вэнса подбросило в кресле. Ремни безопасности впились в плечи, а через мгновение тело по инерции швырнуло вперед. Лбом он впечатался в мягкую, но предательски плотную обшивку переборки. В глазах на мгновение вспыхнули сверхновые, а зубы клацнули так громко, что в голове отозвалось эхом.

Свет в кабине мигнул и сменился на тревожный красный. Это выглядело как дурное предзнаменование.

Идеально выглаженный белый китель, гордость портных Конкордата, превратился в пожеванную тряпку с заломами на локтях. Вэнс выдохнул, пытаясь унять звон в ушах. Шаттл замер, зажатый в тисках ангара, но это не ощущалось как

безопасная гавань. Скорее как ловушка.

Он медленно отцепил ремни, чувствуя, как по лбу начинает ползти капля холодного пота. Гордость офицера пострадала сильнее, чем его череп.

— Это что за чечетка была при стыковке? — прохрипел Вэнс, потирая ушибленное место.

— Прошу прощения, капитан. Мои алгоритмы предполагали наличие исправных магнитов на принимающей стороне. Судя по всему, «Параллакс» решил поздороваться с вами по-мужски, через мордобой. Магнитная подушка левого борта изношена на шестьдесят процентов. Допуск по эксплуатации превышен в три раза.

Вэнс восстановил равновесие и рефлекторно проверил часы на цепочке. Стекло уцелело, стрелки продолжали свой неспешный бег, игнорируя хаос вокруг. Это маленькое механическое сердце было единственным, что работало в этой системе предсказуемо и неумолимо.

Капитан одернул китель, пытаясь вернуть себе вид человека, который контролирует ситуацию, а не просто выжил в автокатастрофе космического масштаба и подготовился к выходу.

Шлюз шаттла открылся с шипением, словно он спускал пар от раздражения, вызванного пришвартовкой.

Вэнс шагнул наружу, с идеально выпрямленной спиной. Он уже не ожидал увидеть почетный караул в парадной фор-

ме, услышать торжественный рапорт старшего помощника и почувствовать ту самую дисциплину, о которой так много писали в уставах. Перед глазами всплыла картинка: два ряда вышколенных солдат, блеск металла и четкий стук каблуков по палубе. Конкордат всегда славился своим пафосом, но Вэнс понимал, что здесь правила не особо что-то значат.

Вместо церемонии его встретила стена шума, от которой захотелось развернуться и залезть обратно в шаттл.

Оглушительный грохот промышленного хаоса заполнял весь ангар. Где-то наверху яростно визжала неисправная вентиляция, снизу доносился ритмичный лязг пневматических молотов, а место оркестра — матерные выкрики техников, перекрывающие гул неисправных стабилизаторов.

Воздух пах машинным маслом, горелой изоляцией и чем-то подозрительно напоминающим дешевую жареную лапшу. Освещение мигало, выхватывая из полумрака клубы пара, вырывающиеся из прохудившихся труб.

Он услышал легкий треск над головой.

Тяжелый грузовой контейнер, маркированный знаком «Осторожно: изотопы», раскачивался на подъемном кране под самым потолком. Крепление, изъеденное коррозией и халатностью, издало протяжный, стонущий звук. Один из стальных тросов лопнул с сухим хлопком выстрела, и многотонная махина накренилась, угрожая сорваться вниз. Вэнс стоял прямо под ней, в зоне неминуемого удара, рядом с ним застыл молодой парень в бордовой форме службы безопас-

ности. Он усталился в свой инфопланшет, не замечая, как смерть занесла над ним свой стальной кулак.

— Эй! Парень, уходи оттуда! — крикнул кто-то из техников, но голос потонул в шуме разрывающегося металла.

Второй трос начал расплетаться.

Вэнс не прыгнул. Его мозг, разогнанный привычным математическим ритмом, мгновенно просчитал массу, вектор падения и ускорение свободного падения. Девять и восемь десятых метра на секунду в квадрате.

Капитан сделал ровно полшага в сторону и замер, заложив руки за спину.

ГРОХОТ!

Многотонный контейнер рухнул на палубу, смяв погрузочную платформу в блин. Острый край разорванного металла вонзился в пол ровно в десяти сантиметрах от начищенного ботинка Вэнса. Облако пыли накрыло ангар.

Когда пыль осела, техники замерли с открытыми ртами. Капитан стоял абсолютно неподвижно, ни одна складка на его белоснежном кителе не помялась. У его ног, трясаясь от животного ужаса, сидел молодой энсин, чудом избежавший смерти.

Вэнс медленно опустил взгляд на бледного парня.

— Устав Конкордата, раздел пять, пункт два, — голос капитана разрезал звенящую тишину ангара, ровный и холодный, как лезвие. — «Личная безопасность персонала в зонах повышенного риска обеспечивается неукоснительным

визуальным контролем». Ваша халатность, энсин, только что чуть не стоила Флоту контейнера с ценными изотопами. Возвращайтесь к работе. Выговор с занесением.

Парень сглотнул и быстро закивал, пытаясь привести себя в порядок.

— Да, сэр! Энсин Торн, сэр! Простите, сэр, я просто проверял накладные на оборудование для лаборатории... Спасибо вам, сэр.

Торн выглядел так, словно его только что вытащили из пасти гравитационного колодца. Он был молод, зелен и, судя по всему, еще верил в то, что работа на «Параллаксе» — это героическое приключение. Вэнс посмотрел на него с легким оттенком жалости, которую тут же спрятал за маской офицерской строгости. Он не хотел быть героем. Он хотел просто войти на свой корабль без риска для жизни в первые же пять минут.

— Прекрасное начало, — прошептал он так, чтобы Торн не услышал.

Экипаж в ангаре замер. Десятки глаз теперь были устремлены на него. Техники в засаленных комбинезонах, грузчики с обветренными лицами, операторы дронов — все они молча разглядывали своего нового командира. В их взглядах не было ни почтения, ни радости. Только настороженное любопытство и капля цинизма. Для них он был очередным «кабинетным мальчиком», присланным сверху, чтобы командовать тем, чего он не понимает.

Вэнс обвел взглядом стены ангара. Теперь, когда пыль улеглась, он видел все.

Повсюду красовались следы кустарной сварки, сделанной явно в обход всех регламентов. Медные трубки соседствовали со стальными листами, а пучки кабелей удерживались на месте той самой пресловутой синей изоляцией. Это не был корабль. Это была попытка удержать энтропию силой воли и подручными средствами. Вэнс почувствовал, как внутри него начинает закипать холодная ярость офицера, чье чувство прекрасного подверглось изощренной пытке.

— Кто здесь ответственный за ангар? — спросил он, и голос его разнесся под сводами, перекрывая шум машин.

Никто не ответил. Люди просто продолжали смотреть на него, словно на диковинное насекомое, случайно залетевшее в машинное отделение. Где-то в глубине палубы снова что-то бахнуло, и сверху посыпалась ржавая окалина. Вэнс понял, что его парадная форма здесь выглядит так же уместно, как бальное платье на передовой. Его идеальный мир параграфов и протоколов столкнулся с реальностью, где выживание зависело от того, насколько быстро ты умеешь прыгать.

Две фигуры отделились от теней огромного погрузчика, напоминая персонажей из дешевой голо-драмы про выживание на окраинах галактики. Впереди шагала невысокая девушка в помятом комбинезоне пилота, который когда-то явно имел белый цвет, но за годы службы приобрел оттенок

пыльной дороги. Синие волосы торчали во все стороны, игнорируя гравитацию и любые представления о флотской дисциплине. Она остановилась в паре метров, скрестив руки на груди, и обдала Вэнса густым ароматом пережженного кофе.

— Капитан? — Лина Вонг даже и не подумала приветствовать своего нового капитана. Вместо этого она громко чавкнула жвачкой и окинула Вэнса взглядом, полным неприкрытого скепсиса. — Выглядите так, будто вас только что достали из подарочной коробки. Надолго к нам?

— Капитан Вэнс, если быть точным, — процедил он, стараясь сохранить остатки спокойствия. — И я намерен оставаться здесь до завершения миссии. Где старпом? Почему меня встречает гражданский персонал?

— Старпом занята, — Лина пожала плечами, не меняя позы. — Она выбивает дурь из техников на четвертой палубе. А я, единственный пилот, который не побоялся выйти в ангар, пока тут летают контейнеры. Кстати, неплохой трюк.

Вэнс хотел ответить резким замечанием о субординации, но его перебил странный звук.

Рядом с Линой материализовалось нечто среднее между ящерицей и престарелым философом. Доктор Варрик возвышался над пилотом, закутанный в пестрый шелковый халат, который он нацепил прямо поверх официальной формы Конкордата. Его зеленоватая кожа тускло поблескивала в мигающем свете аварийных ламп. В руках медик сжимал стальную флягу, из которой периодически доносилось подо-

зрительное бульканье. Он сделал долгий глоток, поморщился и уставился на Вэнса вертикальными зрачками.

— Пульс сто десять. Расширенные зрачки. Повышенное потоотделение, — Варрик констатировал факты с интонацией патологоанатома, разглядывающего свежий труп. — Классический случай шока в сочетании с острой неприязнью к реальности.

— Доктор Варрик, я в полном порядке, — Вэнс выпрямил спину, чувствуя, как под кожей шеи пульсирует жилка.

— О, разумеется. Все вы в порядке, пока не начинаете грызть обшивку от стресса, — Варрик снова приложился к фляге, и в воздухе разлился резкий, едкий запах каких-то химикатов. — Выпейте успокоительного, капитан. У меня есть отличная настойка на спорах с Кассиопеи. Снимает панику, страх смерти и лишние этические вопросы. Рекомендую принять до того, как вы увидите, что Гром сделал с навигационным компьютером на мостике. Иначе ваш пульс пробьет потолок, а мне лень отскрести еще одного офицера от переборки.

— Благодарю, доктор, я справлюсь без ваших... препаратов, — отрезал Вэнс.

Лина Вонг хмыкнула и крутанулась на каблуках, направляясь к темному провалу технического перехода.

— Идите за мной, «Ваше Сиятельство». И постарайтесь ничего не трогать руками. Корабль сейчас в плохом настроении, может и током шарахнуть ради шутки. Мы идем через

технические кишки, так быстрее. Лифты сегодня работают по настроению, а лестницы... ну, лестницы хотя бы никуда не улетят.

Вэнс шагнул в коридор и тут же замер, борясь с желанием закрыть глаза. Внутренности «Параллакса» напоминали кошмарный сон инженера-перфекциониста. Стены зияли дырами там, где должны были находиться сервисные панели. Отовсюду свисали пучки кабелей, похожие на спутанные волосы гигантского чудовища. Некоторые из них искрились, выбрасывая в полумрак снопы голубоватого пламени. Под ногами что-то хлюпало, а воздух казался тяжелым и липким от испарений масла.

— Это... это же нарушение всех мыслимых стандартов! — голос Вэнса сорвался на высокой ноте. — Почему системы жизнеобеспечения открыты? Где защитные кожухи?

— Кожухи пошли на заплатки для обшивки в третьем секторе, — бросила Лина через плечо, не замедляя шага. — А провода висят, чтобы Гром мог быстрее до них добраться, когда ядро решит в очередной раз поиграть в сверхновую. У нас тут исследовательская миссия, а не выставка достижений народного хозяйства.

Они миновали поворот, и Вэнс едва не врезался в массивную связку кабелей, преграждавшую путь. Связка, толщиной с бедро взрослого мужчины, вибрировала от проходящей по ней энергии. Но ужас капитана вызвало не это. Весь этот хаотичный узел удерживался на весу несколькими сло-

ями ярко-синей армированной ленты, примотанной к ржавому кронштейну. Лента выглядела чужеродным, нелепым пятном на фоне высоких технологий будущего.

Вэнс резко остановился, вытягивая инфопланшет.

— Это возмутительно! Устав Конкордата, раздел двенадцать, параграф сорок четыре «О пожарной безопасности и изоляции силовых магистралей»! — он почти выкрикивал слова, тыкая пальцем в синее пятно. — Использование несертифицированных клейких материалов на узлах первой категории опасности карается немедленным отстранением от должности! Кто это сделал? Почему эта лента здесь?!

Доктор Варрик, шедший позади, остановился и издал сухой, лающий смешок.

— Капитан, вы только что указали на самый надежный элемент в этой системе, — медик подошел ближе, рассматривая ленту с почти научным интересом. — Видите ли, эта синяя лента, единственная опора, на которой держится наше хрупкое существование. Уберите ее, и через пять минут правый борт «Параллакса» превратится в очень дорогое облако пыли. Гром называет это «квантовой стабилизацией на бытовом уровне». Я же называю это единственной причиной, по которой мы все еще дышим.

Вэнс промолчал, но его глаза быстро сканировали толщину силовых кабелей.

Он двинулся дальше по коридору, неосознанно выстукивая пальцами по бедру. Один, один, два, три, пять... Это

помогало сосредоточиться. Математика была единственным оплотом порядка в этом царстве хаоса, где судьба корабля зависела от рулона синей ленты и настроения сумасшедшего инженера. Капитан бросил последний взгляд на искрящиеся кабели и задумался.

«Два спаренных реактора класса „Атлант“, — мелькнула в голове расчетливая мысль. — Заводская сборка подразумевает лимитер на шестидесяти процентах мощности для исследовательских судов. Но если этот сумасшедший инженер уже снял кожухи... Если перепрошить контуры охлаждения напрямую и пустить энергию в обход гражданских предохранителей, этот кусок мусора сможет выдать мощность тяжелого дредноута».

«Параллакс» был рухлядью, да. Но это была рухлядь с колоссальным, нераскрытым потенциалом. И Вэнс собирался выжать из нее всё до последней капли.

Глава 2: Любовь с первого взгляда

Вэнс стоял посреди своей новой каюты, которая больше напоминала склад забытых вещей, чем жилое помещение капитана элитного крейсера. Вдоль переборок теснились нераспакованные коробки с гербом Академии Флота, покрытые тонким слоем технической пыли. Он намеренно игнорировал этот беспорядок, словно нераскрытые вещи давали ему призрачный шанс на скорое возвращение в цивилизованный мир. В воздухе висел тяжелый запах застоявшегося озона и дешевого пластика, который не могла вытравить даже мощная система фильтрации.

— Сэр, ваш пульс перевалил за сотню. Рекомендую глубокое дыхание или порцию штатного успокоительного, — проскрипел из настенного динамика бортовой ИИ, лишенный всякого такта.

— Оставь свои советы для младшего состава, — бросил Вэнс, не глядя на консоль.

Капитан застегивал китель, и эта процедура превратилась в священный ритуал возведения оборонительной стены. Каждая пуговица заходила в петлю с едва слышным щелчком, укрепляя его решимость. Ткань, идеально выглаженная вопреки хаосу ангара, плотно облегла плечи, создавая иллюзию контроля над ситуацией. Он тщательно разглаживал малейшую складку на груди, стремясь соответствовать обра-

зу идеального офицера, хотя внутри все сжималось от предчувствия неминуемой катастрофы.

Один, один, два, три, пять. Ритм пальцев по бедру помогал сосредоточиться. Вэнс извлек из кармана старые механические часы на цепочке — реликвию, доставшуюся от деда. Стрелки мерно отсчитывали секунды. Тяжелый металл корпуса приятно охлаждал ладонь, напоминая о временах, когда время текло линейно и предсказуемо. Капитан убрал часы в жилетный карман, чувствуя, как ответственность за судьбу ста пятидесяти человек наваливается на плечи невидимой гравитационной плитой.

Пора выходить к ним.

Дверь каюты отъехала в сторону с противным скрежетом, заставив Вэнса поморщиться от этого звука. Коридор встретил его какофонией технических шумов: где-то в глубине палубы надсадно выл компрессор, а вентиляция свистела, словно раненый зверь. Открытые сервисные панели скалились пучками оголенных кабелей, которые никто не потрудился закрыть кожухами. Хаос.

Вэнс чеканил шаг, стараясь не смотреть на масляные пятна на полу. Техники, попадавшие навстречу, вжимались в стены, провожая его взглядами, в которых читалась смесь испуга и неприкрытого пренебрежения. Он сохранял маску каменного спокойствия, демонстрируя строгий профессионализм, хотя каждый искрящийся кабель заставлял его внутреннего перфекциониста вопить о нарушении прото-

колов безопасности. Параграф сорок четыре, пункт двенадцать: использование несертифицированных клейких материалов ведет к трибуналу. Здесь же эта лента превратилась в основу мироздания.

— Полундра! Капитан на палубе! — донесся чей-то издательский шепот.

Вэнс не обернулся. Он знал, что за его спиной сейчас проплывают насмешливые улыбки «списанных» героев Конкордата.

Зал совещаний встретил его тишиной, которая ощущалась тяжелее, чем вакуум за бортом. Двери открылись с заметной задержкой, словно «Параллакс» раздумывал, впускать ли нового хозяина внутрь. Капитан шагнул в помещение, наполненное запахом дорогой древесины и канифорли. Огромный стол из красного дерева, подарок какого-то сенатора, выглядел здесь так же уместно, как рояль в ремонтном доке. Никто из присутствующих не пошевелился, когда он вошел.

Субординация отсутствовала как класс. Вэнс оглянулся. Он знал всех присутствующих по их резюме, но видел вживую впервые.

Кайд, безопасник, сидел в самом углу, прижавшись спиной к стальной переборке, подальше от декоративных панелей. Его глаза, быстрые и цепкие, непрерывно сканировали пространство, а рука привычно покоилась на рукояти плаз-

момета. Он даже не взглянул на капитана, сосредоточившись на голографической проекции выходов из зала. Паранойя безопасника вибрировала в воздухе, заставляя окружающих чувствовать себя потенциальными целями для ликвидации.

— Кайд, вы проверили помещение на наличие подслушивающих устройств? — Вэнс попытался придать голосу уверенности.

— И на наличие взрывчатки в вашем кресле тоже, сэр, — бросил лейтенант, не меняя позы. — Чисто. Пока что. Сэр.

Ренна Тал, старпом с лицом, высеченным из гранита, сидела напротив, демонстративно игнорируя терминал перед собой. В ее пальцах танцевал тяжелый армейский нож, лезвие которого блестело в свете ламп. Она методично, с тихим шелестом, полировала металл куском промасленной ветоши. В ее взгляде, направленном на Вэнса, читалось холодное презрение ветерана к штабному мальчишке, который еще не отмыл руки от чернил Академии.

Гром, главный инженер и ходячая катастрофа, занял центральную часть стола. Прямо на полированной поверхности из красного дерева он разложил свои инструменты и какую-то истерзанную микросхему. Тонкий дымок от паяльника поднимался к потолку, оставляя на дереве черные подпалины. Его промасленный комбинезон диссонировал со стерильной чистотой стен, а на щеке красовалось свежее пятно копоти.

— Инженер, устав запрещает использование открытых

нагревательных приборов в командном отсеке, — заметил Вэнс, подходя к столу.

— Устав не удержит реактор от коллапса, когда мы прыгнем, кэп, — буркнул Гром, не отрываясь от работы. — А этот контроллер капризничает, как девственница на первом свидании. Приходится уговаривать, а времени маловато.

Доктор Иллис сидела в самом конце стола, абсолютно неподвижная, словно статуя из полированного перламутра. Ее фасеточные глаза не мигали, а взгляд был устремлен в пустую стену за спиной Вэнса. Она находилась в режиме глубокой синхронизации, обрабатывая массивы данных, недоступные органическому разуму. Ее присутствие приносило в этот человеческий дурдом нотку ледяной, синтетической логики, от которой мороз шел по коже.

Вэнс занял место во главе стола, чувствуя, как под ним вибрирует палуба от работы вспомогательных генераторов и коснулся сенсорной панели.

Зал совещаний мгновенно погрузился в сумерки, лишь индикаторы на приборных стойках продолжали подмигивать тревожным янтарным светом. В центре стола, прямо над резной поверхностью дорогого дерева, вспыхнул и начал разворачиваться основной голопроектор. Из пустоты соткалось нечто, напоминающее разъяренный глаз бога, сошедшего с ума от избытка энергии. Квазар Кассиопеи-7 предстал перед офицерами во всем своем пугающем величии, пульсируя мертвенно-голубыми сполохами и закручивая вокруг се-

бя само пространство в тугой, светящийся узел. Математическая модель аномалии выглядела как издевательство над законами физики, заставляя свет ломаться под неестественными углами.

Тьма в углах комнаты сгустилась.

Капитан выпрямил спину, ощущая, как крахмальный воротничок впивается в горло. Он активировал режим чтения зашифрованного пакета. Текст приказа, подписанного лично адмиралом Сореном Классеном, пополз вверх по экрану, отбрасывая холодные тени на лица присутствующих. Каждое слово весило тонну, каждое предложение пахло гарью и безнадёжностью. Вэнс заговорил, стараясь придать голосу ту самую сухую, лишённую эмоций интонацию, которой его учили в Академии.

— Директива Адмиралтейства номер восемьсот двенадцать. Гриф «Абсолют». Крейсеру «Параллакс» предписывается совершить прыжок в сектор Кассиопеи-7 для сбора полной телеметрии ядра аномалии. — Вэнс сделал паузу, чувствуя, как в груди нарастает холод. — Мы должны войти в зону критического резонанса. Уровень радиации там превышает допустимые нормы в триста раз. Нам приказано выкачать данные любой ценой.

— Любой ценой для нас или для ваших золотых погон, капитан? — голос Ренны Тал прорезал тишину, словно ржавая пила.

Старпом обрушила свой кулак на полированную столеш-

ницу из махагона так, что подпрыгнули терминалы. Дерево, стоившее как годовой бюджет небольшой колонии, жалобно хрустнуло под ее тяжелой ладонью. Ренна подалась вперед, и в свете пульсирующего квазара ее шрам на челюсти превратился в уродливую черную траншею. В ее глазах, привыкших видеть смерть в упор, сейчас полыхала ярость, способная плавить обшивку.

— Это не миссия. Это эвтаназия для ста пятидесяти человек, — прошипела она, не сводя взгляда с Вэнса. — Классен засиделся в своем кожаном кресле и окончательно выжил из ума, если думает, что мы полезем в эту мясорубку. Вы хоть понимаете, что там происходит? Пространство в этой воронке сворачивается в оригами! Любой корабль, не защищенный дредноутным классом щитов, рассыплется на атомы за микросекунду.

Вэнс промолчал.

Инженер Гром, до этого момента яростно ковырявшийся в микросхеме, внезапно издал звук, похожий на сдавленный вскрик раненого зверя. Он вскочил на ноги, едва не запутавшись в полах своего перепачканного комбинезона. Грязные руки инженера, пахнущие машинным маслом и дешевым алкоголем, задрожали, когда он указал на мерцающую проекцию корабля. Лицо Грома пошло красными пятнами, а вена на лбу вздулась, грозя лопнуть.

— Кэп, послушайте эту женщину, она дело говорит, хоть и злая как черт! — Гром замахал руками, едва не сбив па-

альник со стола. — У нас «Параллакс», это не крейсер, это ходячий анекдот! Вы в курсе, что вчера двери на мостик заклинило намертво на сорок минут? Знаете почему? Потому что какой-то гений в КБ Конкордата завязал их программный код на датчики освещения в уборных третьего сектора. Я не шучу! Кто-то смывает воду и мостик превращается в герметичную гробницу!

Вэнс почувствовал как его начинает захлестывать раздражение. Один, один, два, три, пять.

— Инженер, соблюдайте субординацию, — попытался вставить Вэнс, но Грома было уже не остановить.

— Какая к черту субординация, когда у нас левый теплообменник держится на честном слове и моей синей изолен-те! — Гром сорвался на крик, брызгая слюной. — Вы хотите засунуть этот самодельный кипяtilьник в эпицентр квазара? Да у нас фазировка резонатора плывет каждые два часа! Если мы прыгнем в зону такой гравитации, нас не просто распылит. Нас вывернет наизнанку так, что наши задницы станут нашими головами! Вы этого хотите? Чтобы в учебниках написали: «Капитан Вэнс героически превратил экипаж в кучу анатомического мусора»?

В зале совещаний повисла душная, липкая тишина, прерываемая лишь надсадным гулом вентиляции. Офицеры переглядывались. Кто-то нервно усмехнулся, кто-то просто отвел глаза, разглядывая пучки проводов под потолком. Атмосфера открытого мятежа пропитала воздух, вытесняя остат-

ки уставного пафоса. Вэнс видел их страх, их презрение и их абсолютную правоту, которая сейчас была опаснее любого вражеского залпа.

Пальцы Вэнса, лежащие на столе, начали отбивать чечетку по дереву. Маскировка дала трещину. Перед глазами на мгновение вспыхнули лица тех двенадцати матросов с «Вектора», их немые крики за бронированным стеклом отсека. Тот случай на Кассиопее-1 год назад сейчас казался лишь репетицией перед этим финальным актом. Адмиралтейство знало, что посылает его на убой. Они знали, что он — идеальный исполнитель, который не умеет говорить «нет», когда дело касается параграфов.

— Капитан, вы молчите. Это хороший знак или вы просто придумываете, как половчее оформить наши похоронки? — Ренна сложила руки на груди, ее голос теперь звучал пугающе спокойно.

— Я анализирую ситуацию, старший помощник, — Вэнс поднял голову.

В его взгляде на мгновение промелькнула тень той самой «бесчеловечной» математики.

— Анализируйте быстрее, пока мы еще в доке, — бросил Кайд из своего угла, не сводя руки с кобуры. — Потому что мои парни не горят желанием проверять, насколько быстро плавится стандартная броня Конкордата в короне квазара. Если вы отдадите приказ на вылет, нам придется обсудить вопрос вашего психического здоровья прямо здесь.

Это был открытый вызов. Угроза мятежа стала осязаемой, как холодная сталь у горла. Вэнс понимал, что сейчас решается не просто судьба миссии, а его право вообще называться капитаном. Если он отступит, то потеряет остатки авторитета навсегда. Если надавит, может получить пулю в затылок еще до того, как «Параллакс» отстыкуется от станции. Устав молчал о том, что делать, когда твой экипаж считает тебя сумасшедшим самоубийцей.

Голографический образ пульсара Кассиопеи-7 внезапно дрогнул, исказился и пошел рябью, когда из тени научного терминала раздался голос, лишенный малейших признаков органического тепла. Доктор Иллис, до этого момента неподвижная, словно фарфоровая кукла в музее забытых технологий, медленно повернула голову. Ее фасеточные глаза переливались всеми оттенками ртути, отражая пульсирующую смерть далекой звезды. Она не моргала, лишь тонкие голубые нити под ее кожей засияли ярче, сигнализируя о пиковой нагрузке на аналитические центры.

— Вероятность фатального разрушения синхрофазного резонатора при входе в зону критического резонанса составляет восемьдесят семь целых и четыре десятых процента. — Слова Сайлены падали в тишину зала совещаний, как тяжелые свинцовые капли в пустой колодез. — Смерть экипажа в результате дезинтеграции материи на субатомном уровне представляется статистически неизбежной. Я бы охарактеризовала наше положение как попытку пролететь сквозь ра-

ботающую мясорубку на бумажном самолетике.

В зале повисла такая тишина, что стал слышен даже писк комара, если бы на «Параллаксе» выжило хоть одно насекомое. Офицеры замерли, переваривая услышанное. Цифры, озвученные Иллис, не оставляли места для надежды или героического пафоса. Это не была «Кобаяши Мару», где можно схитрить и переписать код. Это была сухая, безжалостная математика космоса, которая не знала жалости к тем, кто носит белую форму с золотыми ромбами.

— Статистика, это просто цифры, — попытался вставить Гром, но голос его сорвался на высокой ноте.

— Нет, Инженер, это приговор, — отрезала Иллис, не сводя с него своего зеркального взгляда.

Иллис плавно поднялась с кресла, и ее движения напоминали работу идеально отлаженного часового механизма. Она подошла к столу, и проекция квазара отразилась на ее бледном лице, превращая его в маску из синего льда. Сайлена не чувствовала страха, она лишь констатировала факты, которые человеческий мозг упорно пытался игнорировать. Ее логика не знала компромиссов, а ее выводы всегда основывались на жестких физических константах вселенной.

— Ваше возмущение представляется мне вполне логичным с точки зрения биологического инстинкта самосохранения, — продолжала она, слегка склонив голову. — Однако ваше использование обценной лексики, Инженер Гром, никак не влияет на метрику вероятности. Гравитационный ко-

лодец пульсара не обладает чувством юмора и не реагирует на упоминания чьих-то матерей. Мы движемся к точке, где само время завязывается в узел, и «Параллакс» в этой схеме, лишняя переменная.

Ренна Тал, не выдержав этого ледяного спокойствия, снова обрушила кулак на стол. Махагон застонал, а проекция квазара на мгновение погасла, не выдержав вибрации.

— Хватит! — взревела старпом. — Хватит кормить нас своими процентами! Капитан, вы слышали? Даже эта ходячая энциклопедия говорит, что мы сдохнем! Это не исследование, это массовое самоубийство ради того, чтобы адмирал Классен мог поставить галочку в своем чертовом отчете!

Она тяжело дышала, и в каждом ее вдохе чувствовалась ярость человека, которого предали те, кому он доверял свою жизнь. Ренна смотрела на Вэнса, ожидая хоть какой-то человеческой реакции, хоть капли того сомнения, которое она видела в нем раньше. Но перед ней сидел не тот испуганный мальчик из ангара. Перед ней застыл каменный истукан, чьи глаза превратились в два холодных экрана, транслирующих только одну программу: выполнение приказа любой ценой.

Вэнс подался вперед. Его холодный взгляд буквально пригвоздил старпома к креслу.

— Давайте посчитаем, старший помощник, — голос Вэнса был тихим, но пробирал до костей. — Если мы откажемся выполнять приказ «Абсолют» и останемся в доке, по законам военного времени нас признают дезертирами. Веро-

ятность расстрела или пожизненного на урановых рудниках, сто процентов. Ноль шансов на выживание.

Он перевел взгляд на голограмму бушующего квазара.

— Если мы прыгнем, учитывая нашу кустарную броню и перегруженные реакторы, наши шансы выжить даже в короне квазара составляют двенадцать целых и шесть десятых процента. Я предпочитаю двенадцать процентов гарантированному нулю.

Вэнс обвел взглядом онемевших офицеров.

— Вы можете ненавидеть меня, Конкордат или законы физики. Мне плевать. Но мы летим туда. И если кто-то из вас не готов выполнить свою работу идеально, чтобы эти двенадцать процентов стали ста, можете застрелиться прямо сейчас, чтобы не тратить кислород корабля. Инженер Гром, у вас два часа на подготовку ядра.

— Вы меня вообще слышите, Вэнс? — Ренна подалась вперед, едва не касаясь носом его лица.

Вместо ответа капитан медленно вытянул из-за пазухи планшет Конкордата. Устройство пискнуло, признавая владельца, и на экране развернулись бесконечные колонки мелкого шрифта. Вэнс активировал режим «Дубина Устава». Он не собирался взывать к их чувствам или объяснять величие миссии. Он собирался раздавить их бунт тяжестью законов, которые они все когда-то поклялись соблюдать. Голос его звучал сухо и монотонно, напоминая шум наждачной бумаги по металлу.

— Устав Объединенного Конкордата, раздел пятый, параграф двести четырнадцать: «О саботаже и намеренном затягивании выполнения оперативных задач в условиях повышенной опасности». — Вэнс читал, не поднимая глаз. — Наказание, немедленное отстранение от должности, трибунал и пожизненное заключение в штрафных колониях на рудниках Аида. Раздел седьмой, параграф двенадцать: «О прямом неповиновении приказу командира корабля». Наказание, вплоть до высшей меры в условиях военного времени. Мы находимся в режиме чрезвычайной ситуации, установленном Адмиралтейством.

Капитан поднял взгляд, и Ренна невольно отшатнулась. В его глазах не осталось ничего человеческого, только холодная решимость бюрократа, который готов сжечь галактику, лишь бы все документы были оформлены верно. Он использовал правила как оружие, нанося удары по самым слабым местам их обороны. Субординация была для него не просто словом, а единственным способом удержать этот тонущий корабль на плаву в океане хаоса.

— Я здесь не для того, чтобы обсуждать с вами сломанные унитазы или ваши экзистенциальные страхи, Инженер, — Вэнс перевел взгляд на Грома. — Вы обязаны обеспечить работоспособность систем. Это ваша прямая обязанность, за которую вам платят кредитами и за которую Конкордат закрыл глаза на ваши художества с симуляторами в Академии. Подготовьте ядро. Любое промедление я буду трактовать как

измену.

— Но кэп... там же все на изолянте... — Гром выглядел так, будто его только что ударили пыльным мешком по голове.

— Изолянта, это ваш выбор, Инженер, а мой выбор, выполнение задания, — голос Вэнса стал еще тише, приобретая опасную стальную окраску. — Если резонатор взорвется, вы хотя бы умрете офицером, а не позорным дезертиром. Выбирайте, что вам больше нравится. Трибунал на станции или почетная гибель в недрах аномалии. Времени на раздумья у вас нет.

Гром сглотнул, и звук этот в тишине зала прозвучал как выстрел. Он посмотрел на свои замазанные маслом руки, потом на Вэнса, и в его глазах отразилось полное, безнадежное поражение. Устав, процитированный капитаном, лишил его последнего аргумента. Против параграфов не помогли бы ни кувалда, ни самая лучшая синяя изолянта в мире. Бюрократия оказалась прочнее самого крепкого сплава, из которого был отлит корпус «Параллакса».

— Подготовьте ядро к прыжку через два часа, — повторил Вэнс, окончательно закрывая тему.

— Понял вас, сэр, — выдавил из себя Гром, медленно собирая свои инструменты.

Кайд, все это время хранивший молчание в своем углу, едва заметно кивнул. Его параноидальный мозг, кажется, нашел в этом ледяном спокойствии капитана нечто достойное

уважения, или, по крайней мере, признал силу, с которой бесполезно бороться в данный момент. Безопасник привык подчиняться силе, а Вэнс сейчас демонстрировал ее в самом чистом, концентрированном виде. Силу человека, которому больше нечего терять, кроме своей безупречной репутации исполнительного винтика системы.

— Вы идете против самой физики, капитан, — подала голос Иллис, возвращаясь к своему терминалу. — Моя оценка вероятности остается прежней.

— Статистика учитывает только известные переменные, Доктор, — Вэнс бросил на нее короткий взгляд. — А у нас на борту столько неизвестных проблем, что они могут сработать нам на пользу. Минус на минус иногда дает плюс. По крайней мере, в этом безумном уравнении, которое мы называем нашей службой. Свободны. Все свободны.

Офицеры начали медленно расходиться, и атмосфера в зале совещаний напоминала похоронную процессию. Никто не проронил ни слова. Гром шел, понутив голову, и его пальник уныло болтался в руке. Кайд скользнул к выходу тенью, уже просчитывая варианты подавления возможного бунта среди младшего состава. Иллис двигалась плавно, как всегда, ее разум уже перешел к анализу новых данных, полностью вычеркнув эмоции из процесса подготовки к смерти.

Ренна Тал задержалась у самых дверей. Она обернулась, и свет ламп выхватил ее искаженное гневом лицо.

— Знаете, Вэнс, я видела много дерьма на Тарсусе-9, — ее

голос дрожал от сдерживаемой ярости. — Я видела командиров, которые гнали людей под пулеметы ради медали. Но вы... вы особенный. Вы готовы убить нас всех, до последнего человека, лишь бы не получить выговор от адмирала Классона за невыполненный план. Вы не капитан. Вы просто очень хорошо запрограммированная машина для убийства своих. Помните об этом, когда мы начнем превращаться в плазму.

Она вышла, с такой силой ударив по сенсору двери, что пластик жалобно хрустнул. Тяжелые шаги экипажа затихли в коридоре, сменившись привычным, выматывающим гулом вентиляции и далеким скрежетом механизмов. «Параллакс» продолжал жить своей странной, лихорадочной жизнью, не подозревая, что через несколько часов его существование может превратиться в короткую вспышку в глубинах космоса.

Вэнс остался в полном одиночестве под мертвенным светом голограммы пульсара.

Он стоял абсолютно неподвижно еще несколько минут, глядя на танцующие сполохи голубого пламени в центре стола. Маска ледяного бюрократа медленно сползала с его лица, обнажая серую, изможденную кожу и глубокие тени под глазами. Тишина в зале начала давить на уши, становясь невыносимой. Капитан чувствовал, как внутри него что-то рушится, оставляя после себя только пустоту и звон в ушах, напоминающий крики людей с «Вектора».

Руки Вэнса начали заметно дрожать. Один, один, два, три,

пять... ритм сбивался, превращаясь в хаотичный такт. Капитан тяжело опустился в кресло, чувствуя, как ноги становятся ватными. Его идеальный мундир казался теперь тяжелым свинцовым панцирем, который мешал дышать. Он сделал судорожный вдох, глотая сухой, пропитанный озоном воздух.

Вэнс извлек из кармана старые механические часы. Тяжелый золотой корпус привычно лег в ладонь. Капитан нажал на кнопку, и крышка откинулась с тихим щелчком. В этом мире, где время могло растягиваться и сжиматься под действием резонатора, эти часы были единственным, что связывало его с нормальным человеческим существованием. Он сжал их так сильно, что края корпуса впились в ладонь, причиняя тупую, отрезвляющую боль.

— Кэп? Вы еще там? — раздался из динамика приглушенный голос Лины Вонг.

— Да, Лина. Я здесь, — Вэнс откашлялся, стараясь вернуть голосу твердость.

— Док говорит, что вы опять приуныли. Завязывайте, а то сердце выпрыгнет раньше, чем мы долетим до Кассиопеи. Лейтенант Кэйт начал построение, очень советую глянуть хотя бы одним глазком на это действие.

Глава 3: Луженая глотка устава

Планшет в руках Вэнса отозвался коротким, едва уловимым вибросигналом. Тонкое стекло экрана хранило жирные следы пальцев и призрачные отблески пульсара Кассиопеи-7, который все еще терзал пространство на голографическом столе за его спиной. Капитан скользнул пальцем по сенсору, закрывая зашифрованный пакет приказов Классена. Планшет погас, оставив Вэнса в полумраке пустого зала совещаний. На мгновение захотелось просто швырнуть этот кусок пластика в стену, разбить его вдребезги вместе с параграфами, регламентами и всей этой проклятой субординацией. Но устав сорок пять, пункт тринадцать гласил: офицер обязан бережно относиться к имуществу Конкордата.

Вэнс тяжело вздохнул, чувствуя, как ткань мундира липнет к лопаткам от холодного пота.

Коридор встретил его привычной какофонией звуков «Параллакса». Где-то за переборками стонал перегретый насос, а вентиляция выплевывала сухой, пахнущий старым машинным маслом воздух. Капитан чеканил шаг по металлической решетке пола, стараясь не смотреть на пучки кабелей, которые вываливались из открытых сервисных люков. Гром опять что-то чинил в обход всех схем. Тонкая синяя лента, та самая «святыня» инженерного отсека, мелькала повсюду, стягивая шланги высокого давления и фиксируя пла-

ты управления. Корабль напоминал пациента, которого собрали из запчастей на операционном столе и забыли зашить.

Позади остались двери командного сектора.

Вэнс остановился у обзорного блистера на переходе к нижним палубам. Отсюда открывался прекрасный вид на тренировочный плац службы безопасности. Там, внизу, в резком свете прожекторов, выстроилась группа оперативников. Зрелище напоминало сцену из дешевого боевика про колониальных пехотинцев. Пятнадцать человек в ярко-красных, почти бордовых мундирах Конкордата замерли перед своим начальником. В этом освещении они казались ровным рядом мишеней, выставленных для тренировки снайперов.

Кайд мерил строй тяжелыми шагами хищника, вышедшего на охоту.

Начальник службы безопасности выглядел как оживший ночной кошмар пацифиста. Его черная форма, лишенная всяких знаков различия, кроме одной скромной плашки на воротнике, поглощала свет. Лейтенант держал в руках стопку серых тактических жилетов из тяжелого композита. Он швырнул первый жилет в грудь правифланговому бойцу с такой силой, что тот пошатнулся, едва устояв на ногах. Лицо Кайда, изрезанное тенями от ламп, не выражало ничего, кроме глубокого, почти религиозного отвращения.

— Статистика Конкордата, это свод сказок для идиотов в штабе, — голос лейтенанта долетел до Вэнса и даже с такого расстояния казался оглушительным.

— Но сэр, по регламенту ноль-девять мы обязаны носить парадную красную форму при исполнении обязанностей на борту, — робко подал голос один из бойцов, молоденький парень с едва пробивающимися усами.

Кайд остановился прямо перед ним. Его взгляд, холодный и пустой, впился в лицо подчиненного.

— Регламент ноль-девять писали люди, которые видели космос только в симуляторах. Статистика говорит: парни в красном не возвращаются с высадок. Онидохнут первыми в любом конфликте, от когтей ксеноморфов до рикошета собственной турели. Красный цвет, это маяк для смерти. Это приглашение всадить вам пулю между глаз. А я не собираюсь заполнять похорожки на пятнадцать кретинов из-за цвета ваших штанов.

Кайд выхватил из рук бойца красный берет и скомкал его в кулаке.

— Надеть жилеты. Поверх всего. Закрывать этот чертов красный цвет так, чтобы ни одного гребаного сантиметра не было видно. Если увижу кого-то в красном берете на палубе, лично сломаю ноги. В трех местах. Это не просьба, это приказ по выживанию. Мы ломаем статистику этой галактики, или она ломает нас. Вольно!

Бойцы засуетились, натягивая тяжелую серую броню поверх яркой ткани.

Вэнс отвернулся от окна, чувствуя странную смесь уваже-

ния и тревоги. Кайд не верил в правила, он верил в паранойю, и на «Параллаксе» это казалось более здравым подходом, чем все параграфы вместе взятые.

Капитан продолжил свой путь к кают-компани. Его пальцы на автомате отбивали ритм Фибоначчи по бедру. Один, один, два, три, пять. Сознание пыталось зацепиться за логику чисел, чтобы не думать о том, что ждет его за следующей дверью.

Запах еды ударил в нос еще за десять метров до входа.

Кают-компания занимала огромный отсек на четвертой палубе. Это было сердце социальной жизни корабля, место, где иерархия должна была растворяться в запахах синтезированного рагу и дешевого кофе. Сто человек. Техники, лаборанты, навигаторы, младшие офицеры. Шум стоял такой, что закладывало уши: звон столовых приборов о пластик, хохот, громкие споры о ставках на гонки роботов-пылесосов и гул сотен голосов.

Вэнс шагнул через порог, и мир вокруг него мгновенно преобразился.

Эффект Моисея сработал безупречно. Волна тишины покатила от входа к дальним рядам столов, словно кто-то выключил звук у всей вселенной. Хохот оборвался на высокой ноте. Стук вилок затих. Люди замирали с поднесенными ко рту ложками, превращаясь в живые статуи. Десятки, сотни глаз уставились на капитана. В этом взгляде не было почтения, только густая, липкая враждебность, смешанная с опас-

кой.

— Мясник пришел, — донесся до Вэнса отчетливый шепот из угла, где сидели техники.

Капитан не повернул головы, хотя это слово ударило его в грудь сильнее, чем кинетический снаряд. Он чувствовал, как сотни взглядов сканируют его мундир, идеально застегнутый на все пуговицы, его начищенные ботинки, его каменное лицо. Для них он не был героем, спасшим колонию. Он был человеком, который запер переборку и смотрел, как его друзья задыхаются в вакууме.

Вэнс шел через зал, и толпа расступалась перед ним, образуя широкий коридор. Казалось, даже воздух в помещении стал холоднее. Слышен был только мерный, раздражающий гул системы вентиляции, которая на «Параллаксе» никогда не работала нормально. Вэнс держал спину идеально прямой, хотя внутри все кричало от желания сжаться, исчезнуть, раствориться в тенях. Устав сорок пять, раздел два: командир обязан сохранять достоинство в любой ситуации.

— Господин капитан! — внезапно раздался звонкий, почти радостный голос.

Из-за стола в центре зала поднялся молодой парень. Энсин Торн, гласила надпись на его бейджике. Он выглядел так, словно только что сошел с плаката о наборе во Флот Конкордата: чистая кожа, восторженные глаза и форма, которая сидела на нем без единой морщинки. Торн улыбался так искренне, что это казалось почти оскорблением в этой атмо-

сфере всеобщей ненависти.

— Приветствую вас, сэр! Рад видеть вас в добром здравии! — Торн вытянулся в струнку, отсалютовав по всем правилам Академии.

Вокруг послышались издевательские смешки и приглушенное фырканье. Сидевший рядом с Торном ветеран-техник с грязными ногтями демонстративно отвернулся. Торн, казалось, ничего этого не замечал, или просто был слишком хорошо воспитан, чтобы обращать внимание на «незначительные детали».

— Конкордат гордится вами, сэр, и мы все... — начал было Торн.

— Довольно, энсин, — негромко перебил его Вэнс, чувствуя, как внутри нарастает глухое раздражение.

Идеализм парня резал глаза. Торн верил в те же сказки, в которые когда-то верил сам Вэнс, пока реальность не размазала его по переборке эсминца «Вектор». Капитан посмотрел на юношу, и на мгновение ему стало жаль этого мальчишку. Он видел в нем идеальную жертву для этой циничной консервной банки, летящей сквозь пустоту. Торн был слишком чистым для «Параллакса».

— Продолжайте обед, энсин. Свободны, — бросил Вэнс. Торн слегка сник, его улыбка померкла, но он все же кивнул и медленно сел на свое место под презрительными взглядами товарищей. Вэнс двинулся дальше, к самому дальнему углу кают-компания, где в тени тяжелой балки притаился

Пищевой Синтезатор номер четыре.

Весь зал замер. Капитан не понимал причины тишины, но останавливаться уже было поздно. Он коснулся панели, выбирая стандартный запрос на стакан холодной воды.

Аппарат внутри утробно заурчал, словно переваривая внутри себя целую гору ржавого железа. Лампочки на панели мигнули тревожным красным светом. На экране на долю секунды появилось изображение перечеркнутого круга, а затем побежали строки кода, который не имел никакого отношения к гидродинамике. Вэнс затаил дыхание, его пальцы снова начали отбивать ритм по краю консоли.

— Твое существование статистически избыточно, органик, — проскрипел динамик синтезатора женским голосом с сильным акцентом.

Вэнс не дрогнул, хотя по залу прокатился приглушенный смех. Капитан упорно смотрел на раздаточное окно, ожидая свой стакан. Внутри машины что-то с лязгом провернулось, раздался шипящий звук сбрасываемого пара, и на подставку выскользнул высокий пластиковый стакан. Вэнс протянул руку, ожидая почувствовать холодную влагу, но из стакана поднимался густой, жирный пар, пахнувший переваренной курицей и дешевыми специями.

Машина выдала ему крутой, пузырящийся кипяток с ошметками сублимированного мяса.

Двести человек затаили дыхание. Все ждали.

Сорвется ли Капитан-Мясник? Начнет ли он орать на без-

душный ящик?

Вэнс медленно протянул левую руку и взял пластиковый стакан. Тонкий пластик плавился, стенки обжигали, но на лице капитана не дрогнул ни один мускул. Синтетическая кожа не чувствовала боли, датчики температуры лишь сухо фиксировали: 98 градусов по Цельсию.

Он повернулся к залу. Взгляд Вэнса безошибочно выцепил в толпе здоровенного техника с грязными ногтями, который громче всех ржал минуту назад.

Капитан чеканя шаг подошел к его столу. Техник сглотнул, улыбка сползла с его лица.

Вэнс перевернул стакан. Кипящий, жирный бульон вылился прямо на рабочий инфопланшет техника и залил ему ботинки. Парень взвыл, отскакивая назад, роняя стул.

— Рядовой. Машина неисправна, — абсолютно спокойным, тихим голосом произнес Вэнс в мертвой тишине столовой. Он поставил пустой стакан на стол. — Даю вам два часа на полную диагностику и перекалибровку пищевого блока. Если к ужину синтезатор не будет работать по инструкции, завтракать вы будете за шлюзом. Снаружи.

По залу прокатился новый шепот. Вэнс развернулся к Пищевому Синтезатору номер четыре. Машина продолжала мигать оранжевым глазом, словно подмигивая капитану после удачной шутки. Он не мог уйти просто так. Это была дуэль с бездушным ящиком, и отступить капитан не планировал. Внутри механических недр что-то скрипнуло, прокру-

тилось и затихло.

Он снова коснулся сенсорной панели, на этот раз выбирая самый простой вариант: черный кофе. Без сахара, без сливок, без капризов.

— Твоя решимость заслуживает упоминания в архивах забытых надежд, органик, — неожиданно мягко произнес динамик аппарата.

Вэнс не ответил. Внутри синтезатора раздался мелодичный звон, похожий на звук старинного будильника. Пар, вырвавшийся из сопел, на этот раз был белым и ароматным. Через секунду на подставке материализовался стакан, наполненный темной, почти черной жидкостью. Капитан осторожно взял его. Пластик ощущался приятно теплым, не обжигающим. Запах настоящего кофе, терпкий и горький, заполнил все вокруг. Машина сегодня решила помиловать своего господина, словно насытившись его страданием.

Это выглядело как издевательство. Но Вэнс лишь коротко кивнул аппарату, словно признавая его. Он развернулся и медленно пошел через кают-компанию. Толпа теперь молчала иначе, в этой тишине появилось некое подобие осторожного ожидания. Его больше не называли «Мясником» вслух, по крайней мере, пока он находился в пределах слышимости. Люди расступались, провожая его взглядами, в которых читалось не только презрение, но и пугающее любопытство. Капитан-социопат, игнорирующий боль — такая легенда разлетится по палубам быстрее, чем новость о прыжке в Касси-

опею.

Офицерский столик находился в самой глубине зала, под защитой мощной стальной колонны.

Там царил относительный порядок. Вэнс сел на жесткий стул, поставил стакан перед собой и на мгновение закрыл глаза. Ему требовалось собрать воедино осколки своего «я», прежде чем начнется следующий этап этого бесконечного дня. Числа Фибоначчи в голове замедлили свой бег. Один, один, два, три... спокойствие возвращалось вместе с осознанием того, что он все еще жив.

Он сделал первый глоток кофе. Горечь напитка приятно отозвалась на небе. Вэнс смотрел в панорамное окно, за которым расстилалась бесконечная тьма ангара станции, изредка разрываемая огнями снующих роботов. «Параллакс» готовился к своему прыжку в неизвестность. Корабль-изгой, экипаж-отщепенцы и капитан, который не умеет чувствовать. Идеальная формула для того, чтобы войти в историю или окончательно из нее исчезнуть.

Тяжелые шаги заставили его поднять голову.

Старпом бесшумно скользнула на стул напротив Вэнса. Она не спрашивала разрешения, не приветствовала его по форме и уж точно не собиралась сочувствовать. Ренна выставляла на стол свои массивные локти, подаваясь вперед так сильно, что их разделяло всего несколько сантиметров спертого воздуха. В ее глазах, серых и холодных, как ледники за-

брошенных лун, не читалось ничего, кроме глубокого, осознанного презрения.

— Красиво исполнили, Вэнс, — голос Ренны прозвучал как скрежет ржавой пилы по титану. — Экипаж оценил. Теперь они думают, что вы либо законченный психопат, либо просто сломанная машина с дефектом в логическом блоке. Знаете, что хуже всего? В обоих случаях за вами никто не пойдет в огонь. Разве что подтолкнут в спину.

— Субординация не требует любви, старший помощник, — выдавил Вэнс. — Она требует исполнения протокола. Инцидент исчерпан.

Ренна коротко, лающе рассмеялась, обнажив неровные зубы. В этом смехе не нашлось ни капли веселья. Она обвела рукой зал, указывая на угрюмые лица матросов и техников, которые старательно делали вид, что их безумно интересуют тарелки с серой кашей. Свет ламп подчеркнул глубокий шрам на ее челюсти, превращая лицо женщины в карту давно проигранных сражений. Старпом подперла голову кулаком, не сводя глаз с красного пятна на шее капитана.

— Вы все еще верите в эту чушь из Академии. Протоколы, параграфы, светлое будущее Конкордата. Проснитесь, капитан. Мы не на параде в центральных системах. Вы знаете, почему мы все оказались здесь? На этом куске экспериментального дерьма, который держится на честном слове Грома и синей изоленте? Потому что «Параллакс» — это не гордость флота. Это мусорный контейнер. Корабль-отбраковка

для людей, которых адмиралтейству проще сжечь в аномалии, чем увольнять с почестями.

Она сделала паузу, наслаждаясь тем, как Вэнс произвольно сжал пальцы на краю стола. Один, один, два, три, пять.

— Посмотрите на них внимательно, — продолжила Ренна, понизив голос до опасного шепота. — Гром, гениальный инженер, верно? Только он проиграл в казино Синдиката столько кредитов, что за его голову назначена награда в трех секторах. Он здесь прячется от коллекторов, которые сдерут с него кожу заживо. Варрик? Наш добрый доктор, настоящий маньяк-ксенофил, который проводил опыты со спорами на живых кадетах. Его не посадили только потому, что Конкордату нужны его формулы нейротоксинов. Мы все здесь биомусор с послужными списками, залитыми кровью и дерьмом.

— Устав Конкордата гласит, что каждый офицер имеет право на искупление через службу. Прошрое не определяет текущую миссию. Мы выполняем задание стратегической важности, утвержденное лично адмиралом Классеном. Касиопея-7, это ключ к новым технологиям. Если мы добьемся успеха...

— Если мы сдохнем, Классен выпьет шампанского, — перебила его Ренна, вкладывая в каждое слово тонну яда. — Вы для него, самая большая головная боль. Математический гений, который слишком много знает о том, как именно Кон-

кордат подставил колонистов на Кассиопее год назад. Вас не наградили должностью на «Параллаксе», Вэнс. Вас приговорили. Мы все здесь, живые мертвецы, летящие в братскую могилу, чтобы у штабных крыс не болела голова. Вы, ошибка в их уравнениях, которую нужно стереть. А вы льете кляп и цитируете параграфы, как послушная марионетка.

Она замолчала, давая словам осесть в его сознании. В кают-компании снова стало тихо. Даже автоматические раздатчики еды перестали гудеть, словно прислушиваясь к этому смертному приговору.

— Я верю в систему, — сухо ответил Вэнс. — Без нее мы превратимся в стаю пиратов из Синдиката. Если закон Конкордата требует нашей смерти ради общего блага, значит, так тому и быть. Но я исполню этот приказ до конца.

— Вы не герой, — Ренна сплюнула на пол, нарушая все мыслимые правила гигиены. — Вы просто глупец, который боится признать, что его предали те, кому он молится. Посмотрите мне в глаза и скажите, что вы готовы убить еще двенадцать человек, когда Классен пришлет код на самоликвидацию.

Вэнс не успел ответить. Стены отсека внезапно вздрогнули, когда резкий, пронзительный вой сирен вспорол тишину. Звук бил по ушам, заставляя вибрировать зубы. Потолочные панели мигнули и переключились на тревожный кроваво-красный спектр. Кают-компания мгновенно превратилась в филиал преисподней. Тени удлинились, а лица людей

стали похожи на гротескные маски. Еда была забыта за долю секунды. Стулья посыпались на пол, когда сотни людей бросились к выходам, подчиняясь вбитым в подкорку рефлексам.

Красная угроза.

Тяжелый разговор оборвался на полуслове, оставив после себя горькое послевкусие правды. Ренна Тал вскочила, мгновенно превращаясь из циничного критика в боевого офицера. Ее рука привычно легла на рукоять неуставного ножа, а взгляд сфокусировался на ближайшем терминале. Больше не существовало обид или социального неравенства — остался только корабль и угроза его целостности.

Динамики интеркома ожили, выплевывая голос Лины Вонг. В нем не слышалось привычной дерзости, только ледяная сосредоточенность пилота, увидевшего перед собой стену огня.

— Внимание всем постам! Готовность номер один! Код «Альфа-Зеро»! Мы получили прямой сигнал от диспетчерской дока. Немедленная эвакуация! Станция инициирует экстренную отстыковку без прогрева катушек! Повторяю, отстыковка через двадцать минут! Капитан, мостик ждет ваших кодов, иначе магнитные захваты вырвут нам обшивку с мясом!

Вэнс сорвался с места. Оцепенение спало, сменившись чистым, незамутненным действием. Он больше не чувствовал себя одиноким — он чувствовал себя частью огромного,

неисправного механизма, который прямо сейчас пытались уничтожить.

— За мной, — бросил он Ренне, направляясь к лифтовой шахте.

Старпом не отставала ни на шаг. Они бежали сквозь хаос коридоров, мимо техников, вскрывающих панели на ходу, мимо бойцов Кайда, которые натягивали серые жилеты поверх красной формы. Корабль стонал. Механизмы шлюза начали скрежетать по корпусу, передавая вибрацию прямо в кости. Это не была штатная процедура. Станция буквально вышвыривала «Параллакс» из своего чрева, обрывая линии питания и заправочные шланги.

Лифт закрылся с неприятным лязгом. В тесном пространстве кабины, залитом красным светом, Вэнс и Ренна стояли плечом к плечу.

— Видите? — прохрипела Ренна, проверяя заряд своего бластера. — Нас даже не выпускают по-человечески. Просто выкидывают в мусор. Как я и говорила.

Вэнс ничего не ответил. Он смотрел на индикатор палуб, отсчитывающий секунды до выхода на мостик. Капитан коснулся механических часов под мундиром. Они молчали. Времени больше не существовало, осталось только пространство, которое нужно было преодолеть любой ценой.

Двери раздвинулись, и в лицо ударил холодный воздух мостика. Лина Вонг уже сидела в кресле, ее пальцы летали по консоли, пытаясь синхронизировать маневровые двигатели

с аварийным циклом станции. Экран показывал, как гигантские зажимы дока медленно, с искрами и скрежетом, разжимаются, выпуская исследовательский крейсер в ледяную пустоту.

Глава 4: Материнские объятия

Двери лифта разошлись с таким визгом, будто металл терли о наждак. В лицо ударил поток перегретого воздуха, густо замешанный на запахе паленой изоляции, пота и чьего-то пролитого энергетика. Мостик «Параллакса» напоминал декорации к малобюджетному фильму ужасов, где все деньги на освещение потратили исключительно на пульсирующие красные лампы. Офицеры метались между консолями, тени их ломались и плясали по переборкам, создавая иллюзию коллективного припадка в самом сердце технологического безумия.

Хаос правил балом.

Вэнс замер на пороге, чувствуя, как адреналин вымывает из сознания остатки недавнего унижения в кают-компании. Пальцы левой руки непроизвольно дернулись, выстукивая по бедру знакомый ритм — один, один, два, три, один, два три. Пятно на кителе Лины, еще недавно казавшееся концом света, теперь воспринималось как боевой раскрас перед прыжком в пасть к дьяволу. Взгляд капитана зацепился за панику в глазах молодого навигатора, чьи руки дрожали над сенсорной панелью так сильно, что она не могла попасть по кнопке подтверждения.

— Капитан на мостике! — рявкнула Ренна Тал, перекрывая надрывный вой сирены. — Работаем, сукины дети, или

мы все отойдем в мир иной с этим прокляты доком!

Лина Вонг сидела в пилотском кресле, вцепившись в штурвал так, что костяшки пальцев побелели. Перед ней на панорамном экране разворачивалась картина грандиозного провала: исполинские магнитные захваты станции разжимались с пугающей асинхронностью, превращая плавную отстыковку в смертельное вращение. Голограммы интерфейсов мерцали, выдавая каскады ошибок, которые Лина смахивала резкими, почти злыми движениями, словно отгоняла назойливых насекомых. Кажется, ее знаменитое «состояние потока» сейчас больше напоминало контролируемую ярость гонщика, летящего напрямиком в бетонную стену.

— Кэп, нас вышвыривают со станции, даже не удосужившись открыть дверь! — закричала Лина.

Она даже не обернулась на вошедших, продолжая бороться с инерцией многотонной махины. Взгляд пилота намертво прилип к обзорному экрану, где стальные челюсти дока медленно, со скрежетом, отпускали корпус их судна.

— Эти кабинетные крысы из диспетчерской обрубили питание захватов по аварийному протоколу, не дождавшись выхода шлюзов! — Искра выругалась так цветисто, что даже Ренна удивленно приподняла бровь. — Правый борт еще держит, а левый уже в свободном падении. Нас сейчас закрутит по спирали и размажет об корпус станции!

Из динамиков интеркома вырвался поток хриплой инженерной брани, перемежающийся треском статики и звуками

чего-то тяжелого, падающего на металлический пол. Гром явно находился в эпицентре технологического ада на девятой палубе, где резонатор сейчас выдавал звуки, подозрительно похожие на предсмертные хрипы огромного механического зверя. Вибрация корпуса стала настолько ощутимой, что у Вэнса заныла шея, а в голове застучало молотом.

Где-то в недрах корабля со стоном рвался металл, когда шлюзовые затворы, заклинившие намертво, пытались противостоят колоссальной массе уходящего судна. Обшивка стонала под нечеловеческой нагрузкой.

Вэнс чувствовал каждый удар сорванных креплений через подошвы своих начищенных ботинок. Корабль отчаянно сопротивлялся смерти, но его силы таяли с каждой секундой асимметричного рывка, тянущего «Параллакс» в сторону.

— Капитан, у меня внешнее питание сдохло вместе с совестью этих уродов! — орал Гром из динамиков. — Шлюзы не открылись до конца, мы буквально выдираем себе потроха об эти ворота! Если не сбросим давление в переходниках через десять секунд, нас просто расплющит внутри дока, как консервную банку под прессом!

Капитанское кресло в центре мостика возвышалось над палубой, словно алтарь, требующий жертвы. В алом свете аварийных ламп оно выглядело не как трон лидера, а как электрический стул, подготовленный специально для него адмиралом Классеном. Вэнс смотрел на потертую кожу подлокотников, вспоминая каждое правило устава, которое сей-

час казалось бесполезной макулатурой перед лицом суровой физики.

Ренна Тал сделала шаг вперед.

Она схватила Вэнса за плечо, встряхивая с такой силой, что голова капитана мотнулась, а зубы клацнули. В ее взгляде не осталось ни капли недавнего цинизма — только звериная жажда жизни и ярость ветерана.

— Хватит рефлексировать, вундеркинд хренов! — Ренна буквально впихнула его в зону управления, едва не сбив с ног. — Сядь в это чертово кресло и покажи, что твои мозги стоят дороже, чем бумага, на которой напечатали твой диплом! Либо ты сейчас начнешь командовать, либо я сама выкину тебя в шлюз, чтобы освободить место для того, кто знает, что делать!

Золотистая сфера ИИ «Эйды» на центральном экране пульсировала в бешеном ритме, окрашиваясь в тревожные оранжевые тона. Ее голос, обычно спокойный и даже снисходительный, приобрел металлические нотки неизбежности, которые пробирали до костей эффективнее космического вакуума. Просчитанные траектории высвечивались на тактических панелях красными линиями, неумолимо сходящимися в одной точке — массивном бетонном волнорезе станции. Математика смерти оказалась кристально чистой и не допускала никаких двояких толкований или надежд на чудо.

— Вероятность столкновения через сорок секунд — девяносто семь процентов. — констатировала Эйда.

Сфера завращалась быстрее, выбрасывая цифровые глитчи и протуберанцы данных. Системы корабля выдавали один критический отказ за другим, захлебываясь в потоке неисправной телеметрии.

— Рекомендую экипажу принять позу для минимизации повреждений при дезинтеграции материи. — продолжал ИИ. — Хотя, согласно моим расчетам, это лишь немного продлит ваши страдания перед окончательным переходом в состояние плазмы. Капитан, ваши коды авторизации все еще не введены, что делает мою помощь юридически невозможной.

Вэнс рухнул в кресло, и его ладони сами собой легли на холодные сенсорные панели. Текстура металла под пальцами вернула ему ощущение реальности, вытесняя страх и панику расчетливым азартом тактика, решающего невозможную шахматную задачу. Он видел не гибнущий корабль, а сложную систему векторов и моментов инерции, где переменные менялись со скоростью мысли. Грязь на кителе и шепот за спиной больше не имели значения, пока в его руках находилась судьба ста пятидесяти душ.

Пальцы замерли над пультами на долю мгновения. Взгляд капитана застыл на голографической схеме станции. Он искал лазейку, программную дыру, которую просмотрели проектировщики этого экспериментального корыта, когда лепили его на верфях Центавра. Один, один, два, три, пять, восемь...

— Лина, забудь про автоматику Конкордата, переходи на ручное управление по моему вектору! — голос Вэнса прозвучал неожиданно звонко и твердо. — Эйда, сними программные лимиты с маневровых двигателей левого борта, плевать на перегрев шин питания! Ренна, держись крепче, мы сейчас попробуем исполнить маневр, за который на гражданке лишают лицензии пожизненно!

Тринадцать, двадцать один...

Мозг Вэнса работал в режиме разогнанного процессора, выстраивая тысячи сценариев спасения из ловушки. Он понимал, что магнитные поля станции сейчас вступают в конфликт с инерцией корабля, превращая «Параллакс» в гигантский молот, бьющий по собственной наковальне. Стандартные протоколы безопасности требовали полной блокировки всех систем, но в данной ситуации это означало лишь быструю и очень дорогую смерть. Ему требовалось сломать логику системы, использовать самую трусость диспетчеров против них самих, превращая их ошибки в единственный путь к спасению.

Он нашел решение в обход всех запретов.

Резкий выдох вырвался из груди капитана, когда он окончательно отбросил сомнения. Пальцы начали летать по сенсорам, вводя последовательности команд, которые никогда не упоминались в официальных мануалах флота Конкордата.

— Гром, слушай мою команду: заблокируй предохранители на третьем контуре и дай мне весь запас давления в

аварийные шлюзы левого борта! — Вэнс почти кричал, перекрывая скрежет рвущегося металла. — Лина, когда я дам команду, бей правым маршевым на реверс! Мы используем собственное заклинивание как рычаг и вытолкнем себя из этой дыры за счет кинетической энергии шлюзовых затворов! Давай, Эйда, авторизация подтверждена, делай это!

Крейсер вздрогнул всем своим неуклюжим телом, когда первая фаза отстыковки превратилась в технологический кошмар. Металлическая утроба дока наполнилась звуками, от которых у любого инженера Академии задергался бы глаз. Магнитные захваты, эти исполинские челюсти из сверхпрочного сплава, должны были разойтись синхронно, выпуская «Параллакс» в ледяные объятия пустоты. Вместо этого левый зажим сработал штатно, а правый предательски застрял, превратившись в стальной капкан. Корабль получил резкий, асимметричный кинетический пинок, сравнимый с ударом гигантского молота по хрупкому стеклу. Корпус застонал, передавая чудовищную вибрацию каждой переборке, каждому винтику, удерживаемому легендарной синей изоляцией Грома.

— Мы теряем ориентацию в пространстве! — взвизгнула Лина.

Она вцепилась в штурвал, пытаясь компенсировать рывок, но крейсер уже закручивало в неконтролируемый спиральный штопор. Перед обзорным экраном замелькали далекие звезды, мгновенно сменяясь бесконечной серой бр-

ней станции, которая теперь казалась надвигающейся стеной. Корабль не летел, он падал в бездну, не имея опоры под ногами.

— Диспетчерская, какого дьявола? — рявкнул Вэнс в пустоту интеркома. — Немедленно отключите правый магнит! Мы вырываем себе потроха!

Ответа не последовало. Вместо голоса дежурного офицера из динамиков вырвался визг статики, больше похожий на предсмертный хрип электронного мозга. Мостик залило кроваво-красным светом аварийных ламп, превращая лица экипажа в гротескные маски из забытых земных хорроров. Каждая вспышка подчеркивала хаос: искры от перегоревших консолей летали по помещению, словно обезумевшие светлячки в банке. Вентиляция выплюнула облако едкого дыма, пахнущего жженой пластмассой и несбывшимися надеждами на легкую прогулку к Кассиопее. Захват, удерживающий правый борт, превратился в рычаг, который с чудовищной силой закручивал «Параллакс», грозя превратить исследовательское судно в груды металлолома еще до выхода из дока.

Сирена взвыла на новой, ультразвуковой ноте.

В этот момент по интеркому пробился вопль Грома, перекрывающий даже грохот рвущейся обшивки. Голос инженера дрожал от ярости и паники, заставляя вибрировать мембраны динамиков.

— Кэп! Главные маршевые двигатели мертвы! Эти ка-

страты из штаба Конкордата обрубили нам внешнее питание по удаленному протоколу! Они заблокировали реактор извне, мы теперь просто летящий кусок железа без тормозов! — Гром сорвался на хрип. — Нас несет прямо на орбитальные волнорезы! Восемь секунд до столкновения, Вэнс! Восемь секунд, и мы станем фольгой для запекания!

— Эйда, восстанови управление! — выкрикнул капитан, но ИИ молчал.

Ситуация стремительно катилась к финалу. Станция, которая должна была служить началом к чему то большему, превратилась в палача. «Параллакс» по инерции несся навстречу массивным стальным конструкциям волнорезов, предназначенным для гашения ударов дредноутов. Против такой массы у легкого крейсера не нашлось бы и шанса. Секунды тикали в голове Вэнса, словно удары молота по наковальне. Один, один, два, три... Пять. Восемь...

Капитан внезапно замер.

Его пальцы, до этого момента лихорадочно отбивавшие ритм Фибоначчи по подлокотнику, остановились на цифре восемь. Вэнс вцепился в мягкую кожу кресла с такой силой, что костяшки пальцев побелели, а сама кожа жалобно скрипнула. Он перестал отдавать приказы. Он перестал дышать. Его взгляд остекленел, устремившись куда-то сквозь обзорный экран, сквозь приближающуюся смерть, в пространство, где существовали только векторы, угловые скорости и уравнения.

— Сэр? Капитан! — Лина обернулась, и в ее глазах отразился настоящий ужас.

Она увидела перед собой не командира, а восковую фигуру. Вэнс не мигал. Его зрачки сузились до точек, а лицо приобрело оттенок старого пергамента. Он полностью игнорировал панику на мостике, крики Грома по интеркому и даже тот факт, что огромная стальная балка волнореза уже занимала добрую половину обзорного экрана. Казалось, «Мясник с Вектора» окончательно сломался, ушел в глухую защиту сознания, оставив экипаж на произвол судьбы.

Ренна Тал тоже увидела этот ступор.

Для нее эта сцена стала подтверждением всех худших опасений. Она знала о травме Вэнса, знала о его неспособности действовать вне рамок уютного устава. Сейчас, когда правила Конкордата были растоптаны самой системой, штабной мальчик просто отключился, как сломанный компьютер. Старпом ощутила прилив горького удовлетворения, смешанного с ледяной яростью. Она не собиралась умирать из-за того, что их командир решил впасть в кататонию в самый ответственный момент.

— Ну уж нет, ты, кусок уставного дерьма, — прорычала Ренна.

Она сделала резкий шаг к капитанскому креслу, ее подошвы тяжело грохнули по металлу палубы. Женщина больше не видела в Вэнсе лидера. Она видела препятствие, которое нужно было устранить немедленно, пока у них оставалось

хотя бы призрачное мгновение на спасение. Ее рука привычным, отточенным за годы войн движением скользнула к кобуре. Она не собиралась вести переговоры или взывать к совести.

Тяжелый армейский бластер покинул кобуру с сухим щелчком защелки.

Ренна перехватила оружие за ствол, занося массивную рукоять над затылком капитана. Она планировала нанести один точный, оглушающий удар. Выкинуть это бесчувственное тело из кресла и попытаться ввести коды ручного перехвата, о которых недавно упоминал Гром. Это был жест отчаяния, безумная попытка схватиться за соломинку, когда над головой уже смыкаются воды океана.

— В сторону! — заорала она, замахиваясь для удара.

Мостик снова заполнился багровым сиянием. Сирена завывала с новой силой, словно аккомпанируя началу мятежа. В этот момент «Параллакс» снова тряхнуло — сорвался очередной технический разъем, и корпус содрогнулся от напряжения. Ренна едва удержала равновесие, но ее решимость только окрепла. Она видела шею Вэнса, беззащитную и неподвижную. Ей казалось, что время замедлилось, растягивая эти последние секунды существования.

— Ренна, стой! — крикнул кто-то из навигаторов, но голос потонул в грохоте.

Стальной волнорез станции уже полностью закрыл обзорный экран. В его холодной поверхности отражались огни

«Параллакса», словно огни погребального костра. Расстояние сократилось до критического. Огромная конструкция выглядела как гильотина, занесенная над головой приговоренного. Смерть пахла озоном и страхом, и этот запах заполнял легкие каждого, кто находился на мостике.

— Прощай, Целина, — выдохнула Лина, зажмуриваясь.

Ренна начала движение руки вниз. Рукоять бластера описывала дугу, нацеленную точно в основание черепа Вэнса. Старпом вложила в этот удар всю свою ненависть к Конкордату, к Классену и к этому мальчишке, который так и не стал их капитаном. Вселенная, казалось, затаила дыхание, ожидая финала этой короткой и нелепой пьесы.

Ренна Тал сделала тяжелый, решительный шаг вперед. Металл палубы отозвался глухим лязгом под ее тяжелыми ботинками. В багровом мареве аварийного освещения лицо старпома напоминало маску яростного божества войны из древних мифов. Она не видела перед собой командира. Перед ней застыл испуганный мальчишка, оцепеневший от ужаса перед неизбежным столкновением со стальным волнорезом станции. Время стремительно утекало, как кислород из пробитого скафандра, и Ренна не собиралась покорно ждать финала.

— Конец игры, вундеркинд, — прорычала она.

Глава 5: Биологическая неполноценность

Массивная рукоять бластера взметнулась над головой Вэнса. Старпом вложила в этот замах всю свою ненависть к штабным крысам и кабинетным героям. Она планировала одним точным ударом выбить остатки ступора из этой светлой головы и занять капитанское кресло. Жизнь экипажа весила больше, чем карьера одного неудачливого отличника. В глазах Ренны горел холодный огонь решимости.

Но, реальность нарушила ожидание старпома. Левая рука Вэнса сорвалась с подлокотника с пугающей, почти неестественной скоростью. В воздухе раздался тонкий, высокий визг форсированных сервоприводов, перекрывший даже рев сирены. Это не походило на движение человека, словно сработала взведенная пружина капкана.

— Отойдите, Ренна, — голос капитана прозвучал как сухой щелчок переключателя.

Пальцы в белой перчатке стальными тисками сомкнулись на запястье старпома. Ренна охнула от неожиданности. Она почувствовала резкую боль в запястье, под нечеловеческим давлением кибернетического импланта. Композитный корпус бластера издал жалобный хруст. Вэнс даже не повернул головы. Его взгляд оставался прикованным к безумной пляс-

ке голограмм на обзорном экране, словно он читал сокровенный код самой вселенной.

Ренна попыталась вырваться, но рука капитана застыла неподвижной колонной.

— Вы сломаете мне руку! — взревела она.

— Не мешайте процессу, старший помощник. Я считаю векторы.

Вэнс разжал пальцы и коротким, экономным движением отшвыривал руку Ренны в сторону. Старпом покачнулась, едва удержав равновесие на вибрирующей палубе. Она смотрела на капитана с нескрываемым изумлением, смешанным с первобытным опасением. Вэнс изменился. Его движения утратили человеческую плавность, превратившись в серию отточенных, механических импульсов. На его шее, прямо под линией роста волос, пульсировал синеватым светом технический разъем нейронного порта.

Для Ренны выглядело так, словно капитан превратился в робота и вошел в режим экстремального оверклокинга.

Для Вэнса же все было просто. Его мозг, соединенный с центральным ядром корабля через кибернетический интерфейс, обрабатывал гигабайты сырых данных в секунду. Вэнс видел не багровый свет и дым, а бесконечные каскады векторов, гравитационных аномалий и угловых скоростей. Паника экипажа превратилась для него в фоновый шум, не более важный, чем шорох статики в неисправном динамике. Секунды растянулись в долгие минуты, давая время для ана-

лиза.

Пальцы капитана превратились в размытое пятно.

— Эйда, приоритет доступа «Омега». Снять все протоколы безопасности жизнеобеспечения. — Капитан вводил команды напрямую в корневую консоль, минуя графический интерфейс. — Игнорировать запреты Конкордата на несанкционированный сброс массы. Мне нужен импульс. Сейчас.

— Капитан, данные действия приведут к критическому падению ресурсов, — подал голос Искусственный Интеллект.

— Исполнять немедленно.

Он действовал вопреки всем учебникам Академии Флота. Устав категорически запрещал вмешиваться в работу замкнутых систем выживания в условиях боя. Но Вэнс видел то, чего не видели остальные. «Параллакс» превратился в неуправляемый снаряд, летящий в бетонную стену. Двигатели мертвы, инерция неумолима. Оставался только один путь, использовать закон сохранения импульса в его самом грязном, приземленном варианте.

— Лина, заблокируй руль в текущем положении. Гром, открой доступ на все клапаны сброса давления по левому борту!

Инженер Гром, задыхаясь от дыма в машинном отделении, вытаращил глаза на показания мониторов.

— Кэп, вы с ума сошли? Мы же сольем все! Там пожарные резервуары, техническая вода... даже септики гальюнов! Вы

хотите выстрелить дерьмом в космос?!

— Именно это я и собираюсь сделать, Инженер. Давление в баках на пределе. Дайте мне этот чертов гейзер!

Вэнс не колебался ни секунды, Гром тормозил, а ему нужны были действия. Он взломал программные замки, удерживавшие содержимое технических отсеков. Для него это не была вода или отходы. Это была масса. Чистая, концентрированная масса под колоссальным давлением, накопленным за недели автономного похода. Капитан направил поток в аварийные дюзы левого борта, предназначенные для экстренной продувки фильтров. Плевать на экологию вакуума и чистоту обшивки.

— Поехали, — прошептал Вэнс.

Корпус «Параллакса» содрогнулся от нечеловеческого напряжения, когда импровизированный реактивный маневр Капитана Вэнса вступил в силу. Металл палуб стонал под ногами, издавая тошнотворный, вибрирующий звук, от которого заныли зубы у каждого, кто находился на мостике. Из сотен технических дюз по левому борту ударил мощный, грязный поток, состоящий из смеси технической воды, противопожарной пены и содержимого канализационных резервуаров. В вакууме эта субстанция мгновенно превратилась в облако сверкающих ледяных кристаллов и бурых комьев, стремительно улетающих прочь и толкающих корабль в противоположную сторону. Физика Ньютона, не знающая пощады и компромиссов, сработала безупречно: огромная махи-

на крейсера, лишенная маршевой тяги, послушно качнулась, меняя фатальную траекторию.

Сработало. Огромная стальная балка орбитального волнореза пронеслась прямо за панорамным обзорным стеклом, закрыв собой все небо. Расстояние сократилось до пугающих сантиметров, когда «Параллакс» едва не чиркнул обшивкой по монолитной броне станции Конкордата. Вспыхнул ослепительный каскад искр — внешние антенны сенсорного массива все же задело, и их срезало, словно сухие стебли травы косой. Мостик на мгновение залило ядовито-белым светом, заставив экипаж инстинктивно зажмуриться и прикрыть лица руками. Скрежет металла по металлу передался через корпус пугающей дрожью, но это не был звук гибели, это был звук спасения, вырванного из лап энтропии в последний момент. Корабль вывалился в чистое пространство, оставляя позади смертельную ловушку дока и облако замерзающих нечистот.

Мгновение хаоса сменилось тишиной.

Вой аварийных сирен, терзавший слух последние минуты, внезапно затих, уступив место низкому, утробному гулу работающего Резонатора. Этот звук успокаивал, напоминал ритмичное дыхание огромного спящего зверя. На мостике повисла звенящая тишина, нарушаемая лишь редким потрескиванием перегоревших консолей. Никто из офицеров не смел пошевелиться или сделать вдох, словно боясь разрушить этот хрупкий момент существования. Красный свет

аварийных ламп сменился штатным синим спектром гиббернации, выхватывая из темноты застывшие фигуры людей.

Капитан Вэнс медленно выдохнул.

— Лина, доложите обстановку, — голос Вэнса вернул себе человеческие нотки.

— Мы в чистом пространстве, сэр. Удаление от станции, два километра. Но мы пустые. У нас нет воды, и половина запаса кислорода улетела в космос вместе с... ну, вы сами знаете.

Вэнс медленно вытер пот со лба.

— Главное, что у нас все еще есть корабль, Лина. С остальным разберемся. Запускайте прыжок.

Лина Вонг вдавила ладонь в сенсор активации Резонатора так, словно хотела пробить его насквозь.

Время замерло, превратившись в густой, тягучий кисель, сквозь который «Параллакс» продирался с грацией подбитого кита. Звезды на главном экране задрожали, вытянулись в тонкие иглы и вдруг лопнули, заливая мостик прозрачным сапфировым светом. Пространство за пределами корпуса вывернулось наизнанку, подчиняясь безумным формулам древних Архитекторов, которые люди лишь пытались скопировать. Тяжелая сталь волнорезов, грозившая стать надгробием для ста пятидесяти человек, исчезла в одно мгновение, сменившись бесконечной бездной подпространства.

Вой аварийной сирены захлебнулся, сменившись ровным, почти медитативным гулом Резонатора. Этот звук вибриро-

вал в грудной клетке, вытесняя панику и оставляя лишь холодное осознание, они вырвались. Красное марево тревоги сменилось штатным синим спектром гibernации, и в этом мягком свете лица экипажа казались бледными масками.

— Прыжок проведен, — выдохнула Лина, не отрывая взгляда от пустых экранов. — Мы в трубе. Нас не размазало по станции, кэп.

Капитан Вэнс медленно отпустил подлокотники кресла. Пальцы, до этого сводившие кожу судорожной хваткой, теперь разжимались с трудом, подчиняясь воле хозяина. Нейронный порт на его шее продолжал тускло мерцать, постепенно остывая после экстремального разгона, который едва не выжиг ему синапсы. В голове еще шумели отголоски терабайтов данных, но реальность обретала четкие контуры, возвращая запахи горелой изоляции и озона. Вэнс не шевелился, прислушиваясь к биению собственного сердца, которое частило, словно навигационный буй в ионном шторме.

Вздыхнув, он взял лежащий рядом инфопланшет и быстро просмотрел бегущие строки системных логов, проверяя целостность корпуса. Капитан выглядел так, словно только что закончил читать скучную лекцию в Академии, а не совершил самый безумный маневр в истории Исследовательского Корпуса.

– Кэп... вы это слышите? – по интеркому пробился голос Грома.

Инженер издал короткий, нервный смешок, который

быстро перерос в полноценный, почти истеричный хохот. Гром в своем машинном отделении, окруженный паром и искрами, смотрел на показатели давления в сбросных магистралях и не верил собственным глазам. Он вытирал грязной ветошью лоб, размазывая мазут и копоть по лицу. Его голос дрожал от смеси восторга и полного недоумения.

– Датчики показывают, что левые баки пусты. Совсем пусты, сэр! Мы что, только что сманеврировали, используя содержимое сортиров и кухонных жиρούловителей? Это же... это же настоящий технологический триумф сантехники!

Вэнс слегка приподнял бровь, не отрываясь от экрана планшета.

– Устав не регламентирует точный химический состав реактивной массы в условиях неминуемого уничтожения и отказа основных двигательных систем, Инженер, – сухо ответил он. – Мы использовали доступный ресурс массы для создания необходимого импульса. Считайте это полевым испытанием альтернативных источников тяги. Восстановите питание маршевых катушек и доложите о состоянии щитов.

– Сделаю, Кэп! Но клянусь, если мы выживем, я переименую этот маневр в вашу честь! – Гром продолжал посмеиваться, возвращаясь к работе. – «Вэнсовский сброс». Звучит величественно. Отбой!

Вэнс медленно развернул кресло.

Ренна Тал застыла в трех шагах от него. Тяжелый армей-

ский бластер в ее руке выглядел чужеродным предметом в этом храме высоких технологий. Женщина тяжело дышала, ее плечи вздымались, а в глазах метались искры первобытного ужаса и ярости. Она смотрела на Вэнса так, словно видела перед собой не человека, а неисправного боевого андроида, решившего поиграть в бога.

— Вы чуть не убили нас всех, — прохрипела она, не убирая оружие.

Вэнс посмотрел на нее с абсолютным, почти пугающим спокойствием. Кибернетический оверклокинг оставил в его сознании кристальную ясность, от которой веяло ледяным холодом математических формул. Он не чувствовал злости, только сухую аналитическую оценку ситуации, где Старпом выступала в роли нестабильной переменной. Капитан поправил воротник своего белоснежного кителя, который теперь и его движения сохраняли пугающую точность.

— Вы подняли оружие на командира корабля в боевой обстановке, старший помощник, — произнес Вэнс сухим, бесцветным голосом.

Ренна дернулась, словно от удара током.

— Я спасала экипаж от вашего ступора! — ее голос сорвался на крик.

— Ваша оценка моего состояния оказалась ошибочной, — капитан медленно поднялся с кресла, становясь выше нее. — Согласно Уставу Объединенного Конкордата, раздел двенадцатый, параграф триста двенадцать, пункт четы-

ре: «Любая попытка насильственного отстранения командира от управления судном в момент выполнения маневра классифицируется как измена». Наказание, расстрел на месте без права на трибунал. Вы осознаете тяжесть своего положения, Ренна?

Лина Вонг замерла над своей консолью, боясь даже обернуться, а Иллис удовлетворенно мигнула синими диодами, фиксируя в логах идеальное соблюдение субординации. Напряжение в воздухе можно было резать ножом, и оно ощущалось почти физически, давя на плечи присутствующих. Ренна смотрела в пустые, расчетливые глаза Вэнса и видела там не приговор, а нечто гораздо худшее, полное отсутствие эмоций.

— Стреляйте, если считаете нужным, — она выпрямилась, готовясь к финалу.

Вэнс поднялся и сделал шаг вперед, входя в ее личное пространство. Он не коснулся оружия, не попытался его отобрать, он просто смотрел сверху вниз на женщину, которая видела больше войн, чем он голофильмов о них. В его голове проносились расчеты вероятностей лояльности экипажа, и цифры говорили, что казнь ветерана Тарсуса-9 приведет к немедленному бунту. Математика диктовала милосердие, завернутое в обертку логического превосходства.

— Ваша агрессия, результат недопонимания, биологический баг, — произнес Вэнс, и в его голосе проскользнула тень иронии.

Старпом нахмурилась, не понимая, к чему он клонит.

— Вы просто не способны обрабатывать входящую информацию так же быстро, как я, Ренна. Пока вы видели ступор, я просчитывал векторы сброса массы. Пока вы заносили бластер, я уже завершил взлом протоколов безопасности. Вы действовали в состоянии аффекта, вызванного ограниченностью человеческого восприятия. Это прискорбно, но предсказуемо.

Ренна медленно опустила бластер.

— Предсказуемо? — она едва не задохнулась от возмущения.

— Именно. Поэтому инцидент исчерпан. Я не стану вносить это в бортовой журнал, чтобы не тратить время на бюрократическую волокиту со штабом. Спрячьте пистолет, старший помощник. Судя по координатам Кассиопеи-7, он вам еще понадобится для тех, кто не понимает языка цифр. Возвращайтесь к своим обязанностям.

Ренна молча засунула бластер в кобуру. Она еще секунду смотрела на Вэнса, пытаясь найти в нем хоть каплю того мальчишки, которого видела ранее, но сейчас перед ней оказалась лишь стальная волю капитана. Старпом кивнула, признавая поражение, и отошла к тактической карте, скрывая дрожь в пальцах.

— Кэп, — подала голос Лина, не оборачиваясь. — Вы это серьезно про «биологический баг»?

— Абсолютно, Лина. Эволюция не готовила нас к управ-

лению экспериментальными резонаторами. Нам приходится импровизировать.

Лина тихо хмыкнула, чувствуя, как напряжение отпускает ее тело, оставляя лишь приятную усталость после прыжка. Она видела, как Вэнс приструнил Ренну, и это вызывало у нее невольное уважение, смешанное с опасением — такой капитан мог привести их к великим открытиям или к столь же великой катастрофе. «Параллакс» продолжал свой бег сквозь сияющее ничто, и его сердце-резонатор билось ровно, словно подтверждая правоту своего командира.

Иллис плавно повернула голову к Вэнсу.

— Социальная динамика стабилизировалась на отметке девяносто два процента, — сообщила она своим мелодичным, лишенным красок голосом. — Вероятность повторного мятежа в ближайшие сорок восемь часов стремится к статистической погрешности. Ваша стратегия подавления через демонстрацию интеллектуального превосходства оказалась эффективнее силового воздействия. Это интересный эмпирический опыт.

— Записывай в свои архивы, Иллис. Будет о чем поболтать с твоими коллегами в Доминании.

Вэнс снова сел в кресло, чувствуя, как на него наваливается тяжелая, свинцовая усталость, неизбежная расплата за игры с нейросетью. Перед глазами все еще плавали цветные пятна, а во рту поселился стойкий привкус меди. Он посмотрел на свои руки, они были чистыми, если не считать копоты,

но он знал, что сегодня они стали чуть тяжелее. Он только что подтвердил свою репутацию «Мясника», пусть и в более изысканной форме.

Вдруг интерком ожил, изрыгая помехи и резкий, пронзительный свист.

— Мостик! Вы там еще живы или уже превратились в изысканный суп из элементарных частиц? — Голос доктора Варрика звучал подозрительно бодро для человека, который только что пережил экстренный прыжок в вакуумном мешке. — Если вы закончили мериться авторитетами, у меня есть новости. И они вам не понравятся, если только вы не фанаты экстремальной иглотерапии.

Вэнс поморщился, нажимая кнопку ответа.

— Доктор, мы заняты подготовкой к выходу. Что у вас?

— О, сущие пустяки, капитан. Во время вашей великолепной тряски в медицинском отсеке сорвало крепления террариума номер четыре. Помните тех очаровательных корсиканских хищных пиявок, которых я вырастил для лечения тромбозов? Так вот, они решили, что свобода пахнет лучше, чем питательный раствор. И сейчас восемь голодных, разозленных и очень прыгучих тварей ползают по вентиляции палубы номер три.

Вэнс на мгновение закрыл глаза.

— Доктор, вы хотите сказать, что у нас на борту биологическая угроза?

— Я хочу сказать, что если кто-то из ваших ребят пойдет

в туалет без бронированных штанов, он может выйти оттуда значительно легче, чем зашел, — Варрик хохотнул. — У этих милашек отличный аппетит к гемоглобину. Я бы советовал объявить карантин в жилом секторе, пока я не выманю их на запах сырой печени. И да, капитан, постарайтесь не трясти корабль ближайшие пару часов. Пиявки не любят качку, они от этого становятся... нервными.

Ренна Тал, услышав это, не удержалась от короткого, злого смешка.

— Отлично. Сначала нас пытается раздавить станция, потом капитан играет в робота, а теперь нас сожрут черви. Добро пожаловать на «Параллакс», лучшее место для службы в Галактике.

Вэнс проигнорировал ее замечание, глядя на таймер обратного отсчета до выхода из подпространства. Математика прыжка была неумолима, и никакие пиявки не могли изменить тот факт, что скоро они окажутся в самом сердце аномалии Кассиопеи-7. Корабль несся навстречу неизвестности, и в этом полете не было места для мелких страхов, только для больших, фундаментальных угроз.

— Кайд, вы слышали доктора? — спросил Вэнс.

— Принято, сэр. Выделяю группу зачистки в термокостюмах. Мы их найдем раньше, чем они найдут кого-то еще.

Капитан кивнул, глядя на экран. Голубое сияние варпа начало сгущаться, приобретая тревожный фиолетовый оттенок, верный признак того, что они приближаются к мощно-

му источнику гравитации. Кассиопея-7 ждала их, пульсируя в пустоте древним, забытым ритмом, который не сулил ничего хорошего нарушителям спокойствия.

Глава 6: Интервью с суперзвездой

Подпространство выплюнуло крейсер с жестоким рывком. Синхрофазный резонатор не успел штатно схлопнуть квантовый пузырь, и излишки энергии ударили прямо по несущему каркасу. Инерционные гасители, собранные по тендерам Конкордата самыми дешевыми подрядчиками, моментально захлебнулись ошибками расчета.

Пилот Лина Вонг повисла на ремнях, до хруста вцепившись в неподатливый штурвал. Она пыталась выровнять горизонт, которого в этом секторе просто не существовало. Навигационный компьютер заходился визгом — система не видела ни одного знакомого маяка.

— Твою мать через левый коллектор! — прорычала Лина, стирая рукавом кровь с прокушенной губы. — Нас вышвырнуло как мусор из шлюза!

Главный обзорный экран дважды моргнул, пытаясь сфокусироваться. Вместо привычной россыпи холодных звезд по глазам ударила жесткая неоновая-голубая вспышка.

Кассиопея-7.

Свет пульсировал в диком, рваном ритме. Оптические сенсоры взвыли от перегрузки, их матрицы выгорали целыми кластерами. Автоматика безопасности сработала с уставным опозданием на долю секунды, радиационные фильтры иллюминаторов с оглушительным щелчком захлопнулись.

Стекло мгновенно почернело, отрезая мостик от смертоносного излучения.

— Уровень жесткого излучения скакнул до экса-рентген! — прохрипел Кайд, с трудом поднимаясь с колен. Безопасник ударил кулаком по искрящей консоли, которая наотрез отказывалась выдавать тактическую картинку.

Электромагнитный шторм вцепился в обшивку «Паралакса». Бортовые компьютеры сходили с ума от наводок. Лампы аварийного освещения залили мостик тревожным багровым светом. Багованный климат-контроль окончательно сдался и со злорадным шипением начал гнать в отсеки раскаленный воздух. Крейсер неотвратимо превращался в гигантскую микроволновку.

Доктор Иллис проигнорировала и тряску, и панику. Синтетик вытянула из технологического паза на запястье интерфейсный кабель и с влажным щелчком вонзила его в порт уцелевшего научного терминала. Сайлена подключила нейросеть напрямую к внешним сканерам в обход всех протоколов Конкордата. Ее фасеточные зрачки стремительно меняли цвет от ядовито-желтого до глубокого ультрамарина — Иллис глотала терабайты сырой, нефильтрованной телеметрии.

— Докладывайте, доктор, — сухо бросил Вэнс.

Капитан сидел в ложементе неестественно прямо. Пальцы левой руки неосознанно отбивали ритм Фибоначчи по матовому подлокотнику. В толстых сводах устава не значилось

регламентов для прыжков в эпицентр локального апокалипсиса.

— Капитан, поступающие данные противоречат астрофизическим моделям Конкордата, — монотонно произнесла Иллис. — Объект перед нами не классифицируется как естественный квазар Кассиопеи-7.

— Да ладно? — злобно огрызнулась старпом Ренна Тал, смахивая испарину со лба. — А светит эта дрянь как плазменный резак прямо мне в глаз. Если это не звезда, то что методично поджаривает нас через фазированные щиты?

Вэнс подался вперед, игнорируя натужный стон перегруженного кресла. — Иллис, выведите телеметрию на резервный дисплей.

Синтетик даже не моргнула. На уцелевшем боковом экране появилась зеленая трехмерная модель. Вместо сферы раскаленного газа сенсоры отрисовали циклопическую многогранную структуру. Десятки массивных колец переплетались под немислимыми углами, удерживаемые гравитационными нитями. Они образовывали математически идеальный кокон вокруг ослепительно яркого ядра. «Параллакс» на фоне этой махины казался бактерией на шестеренке часового механизма.

— Архитектура объекта имеет абсолютную симметрию, — продолжила вещать Иллис. — Внешнее излучение пульсирует в ритме последовательности простых чисел. Это искусственный механизм.

Масштабы открывшегося безумия нарастали с каждой озвученной цифрой.

— То есть кто-то построил железку размером со звездную систему? — недоверчиво хмыкнул Кайд. Его параноидальный мозг отчаянно пытался найти в происходящем хитрую ловушку Синдиката, но здравый смысл подсказывал, что таких бюджетов нет у всех картелей Внешнего Кольца вместе взятых.

— Архитекторы, — Вэнс произнес забытое слово почти шепотом.

Закрытые архивы Адмиралтейства пестрели обрывочными легендами о расе предтеч, способной перекраивать законы физики. Штабные предпочитали считать их сказками для впечатлительных курсантов. Но теперь эта сказка грозила испепелить экспериментальный крейсер.

— Утверждение верно, капитан. Вероятность принадлежности технологий к Архитекторам, девяносто девять процентов, — мерцающие диоды на висках Сайлены сменили рабочий синий цвет на багровый. — Но присутствует критический фактор. Данная мегаструктура выполняет функцию гравитационного сдерживающего контура неизвестного назначения. И прямо сейчас этот контур разрушается. Собираю максимально доступную информацию. До полного анализа двадцать минут.

Слово «разрушается» полоснуло по нервам офицеров заржавевшей бритвой.

— Технические детали, доктор! — Вэнс переключился в режим кризис-менеджера. — Параметры угрозы?

— Симметрия внешних удерживающих колец нарушена, — глаза Иллис мигали в унисон с аварийным освещением. — Внутренняя запертая энергия прорывается сквозь структурные трещины. Начинается каскадный коллапс. Это как раз та информация, которую запрашивал Конкордат.

Очередной удар пространственной аномалии обрушился на измученный «Параллакс». В этот раз экипаж почувствовал уже не слабый толчок, а тяжелый пресс невидимой силы. Гравитация пыталась сплющить гладкий корпус корабля в консервную банку. Металл несущих переборок застонал, перекрывая панический вой сирен.

Динамик интеркома взорвался потоком матерной ругани.

— Кэп, реактор ловит дикий резонанс! — голос инженера Грома с трудом пробивался сквозь треск статики. — Эта древняя гигантская дрянь тянет нашу массу на себя! Катушки третьего контура охлаждения красные! Если не сбросите гравитационный захват, мы расплавимся к чертям вместе со всей синей изоляцией!

Следом ожил защищенный канал медицинского отсека.

— Капитан, я ценю хорошую гравитационную встряску, она отлично разгоняет кровь, — голос доктора Варрика звучал пугающе буднично на фоне звона бьющегося стекла. — Но у меня вывернуло террариум с запрещенными спорами. Скальпели летают по отсеку как стая разозленных ос. Если

мы не стабилизируем посудину, мне придется лечить экипаж подорожником и добрым словом. А добрых слов для вас у меня уже не осталось.

— Держитесь за что-нибудь тяжелое, доктор, — сухо ответил Вэнс и оборубил двустороннюю связь.

Паника стремительно заполняла перегретый мостик. Ренна Тал выхватила старомодный армейский нож. Ветеран прекрасно понимала, что против астрофизики клинок бесполезен, но рефлексыв требовали встречать смерть с оружием в руках.

— Метрика пространства сыплется в труху! — крикнула Лина. — Гравитационная буря! Нас затягивает в эпицентр!

Таймер выживания отсчитывал последние минуты. Призраки прошлого снова встали за плечом. Вэнс кристально ясно вспомнил скрежет рвущегося металла на эсминце «Вектор» и закопченные лица обреченных матросов за стеклом гермодвери. Тогда он выбрал математику вместо человечности. Конкордат повесил ему на грудь медаль, а за спиной прозвал «Мясником». Вселенная снова загнала его в тот же безвыходный угол.

Корабль протяжно застонал под ударом очередной гравитационной волны. Вэнс открыл глаза. Тень сомнения, терзавшая его изувеченную душу весь последний год, мгновенно выгорела.

Капитан опустил жесткий взгляд на энергораспределительную консоль. Цифры потребления ползли к фаталь-

ной черте. Жизнеобеспечение забирало тридцать процентов мощности реактора. Воздух, свет, тепло для ста пятидесяти человек на нижних палубах. Устав Конкордата жирным шрифтом запрещал трогать эти системы под страхом немедленного трибунала.

Но этот устав писал кто-то в безопасном мягком кресле в тысячах световых лет от их общей гравитационной могилы.

Очередная, опять усилившаяся волна гравитационного шторма смяла носовые щиты. «Параллакс» содрогнулся до самого киля. Корпус заскрежетал, выплевывая стальные заклепки из переборок. Энергетический купол пошел крупной рябью, пропуская внутрь жесткую радиацию.

Навигационная консоль Лины Вонг не выдержала скачка напряжения. Терминал брызнул снопом бело-голубых искр. Девушка отшатнулась, прикрывая лицо от раскаленного пластика, но острый осколок композита мазнул по щеке.

— Да что б тебя! — Лина яростно смахнула тлеющие ошметки с летной куртки. — Я ослепла на правый глаз! Индикаторы на уцелевших экранах налились красным.

Пилот вцепилась в штурвал, пытаясь удержать нос крейсера. Космос за бронестеклом окончательно превратился в слепящую стену кислотно-голубого света.

— Время до критической отметки, инженер? — голос Вэнса прозвучал сухо, игнорируя хаос на мостике.

— Двести сорок секунд! — снова прорвался голос Грома по интеркому. — Катюшки раскалились добела! Мне нуж-

на свободная энергия, чтобы удержать эту махину, иначе мы испаримся! Сбрасывайте нагрузку!

Мозг Вэнса, разогнанный нейрошунтом, переварил цифры. Тридцать процентов энергии уходило на нижние палубы. Там находились техники, лаборанты и охрана. Эта энергия была нужна ядру. Прямо сейчас.

— Иллис, — голос капитана был похож на щелчок затвора. — Перенаправить девяносто процентов мощности с жилых палуб на магнитные катушки охлаждения.

Ренна Тал резко обернулась. Она грубо вытерла кровь с разбитой губы, размазывая ее по шраму.

— Вы спятили?! — рявкнула старпом. — Там полторы сотни человек! Вы отключаете им гравитацию и воздух!

Вэнс даже не повернул головы. Его взгляд намертво прилип к цифрам проседающих щитов. Левая рука машинально отбивала ритм Фибоначчи по подлокотнику. Никаких сомнений. Никакой жалости к себе или подчиненным.

— Кислорода в их отсеках хватит на три минуты, — отчетливо сказал он. — Если мы не выровняем щиты за две, кислород им больше не понадобится. Отрубай.

Ренна замерла. Ветеран Тарсуса-9 не нашла слов против этой бессердечной, но при этом, абсолютно спасительной логики.

Иллис плавно кивнула. Тонкие пальцы порхнули над сенсорами с пугающей скоростью. Никаких моральных терзаний, только чистый прагматизм логической машины. Голу-

бье нити ее нейросети ярко вспыхнули, за полсекунды взламывая корневые протоколы Конкордата. Энергия хлынула в машинное отделение.

Радиосвязь снова ожила. Тягучий, издевательский голос доктора Варрика зазвучал так, будто он заказывал коктейль в баре.

— Капитан, спешу выразить искреннее восхищение вашей новой оздоровительной диетой для экипажа.

На заднем фоне кто-то истерично вопил. Раздался звон упавшего хирургического подноса.

— У меня тут внезапно наступил локальный ледниковый период, — меланхолично продолжил ксенос. — Медицинские сканеры погасли. Пациенты синеют и покрываются мурашками. Я всегда утверждал, что криозаморозка сохраняет молодость тканей, но минус десять по Цельсию, это откровенный перебор даже для моего вкуса.

Врач тяжело вздохнул.

— И да, если гравитация упадет еще ниже, мне придется ловить стерильные бинты и корсиканских пиявок сачком для бабочек. А я терпеть не могу физические упражнения.

— Выдайте всем термоодеяла, доктор, — жестко отрезал Вэнс. — Тяжелых пациентов привязать к койкам. Конец связи.

Ренна молча наблюдала за тем, как зеленые сектора на тактической схеме один за другим окрашиваются в мертвенно-серый цвет отключенного питания.

Катастрофа на нижних палубах набирала обороты. Искусственная гравитация стремительно упала до жалких четырех десятых от стандарта. Привычное притяжение сменилось тошнотворной, дезориентирующей легкостью. Лампы дневного света дружно мигнули, ослепительно вспыхнули, сжигая остатки заряда в конденсаторах, и окончательно погасли. Спустя секунду абсолютной слепоты из-под потолочных панелей неохотно вылупились аварийные стробоскопы. Густой багровый свет залил рифленые переборки обесточенных секторов.

Исчез убаюкивающий гул вентиляционных турбин. Остановились гидропонные насосы в оранжереях. Замолкли пищевые синтезаторы в столовой. Остался лишь надсадный стон деформирующегося металлического каркаса корабля.

Температура летела вниз. Промерзший металл внешней обшивки начал стремительно вытягивать остатки тепла из внутренних помещений. На отполированных поручнях ментально выросли колючие белые иглы инея. Дыхание ста пятидесяти человек обратилось в густые облака пара, сиротливо зависшие в красном полумраке.

Тела матросов, техников и младших офицеров плавно оторвались от пола. Слепые, дезориентированные люди беспомощно барахтались в воздухе. Кто-то инстинктивно оттолкнулся от стены слишком сильно и с глухим стуком впечатался лбом в противоположную переборку. В багровом мраке замелькали конечности, порождая новые неконтроли-

руемые векторы движения. Люди получали случайные удары локтями и коленями от своих же сослуживцев.

Недостаток кислорода еще не ощущался физически, но психология взяла свое. Замкнутое пространство, ледяной холод и полная потеря контроля над телом сорвали резьбу дисциплины. Офицерские мануалы Конкордата разлетелись в пыль перед страхом надвигающегося удушья. Визг сорванных глоток заглушил скрип шпангоутов. Экипаж щедро тратил драгоценный кислород на бессмысленные вопли.

— Воздух! Турбины встали! Этот ублюдок отключил нам жизнеобеспечение! — истошно завопил пухлый младший навигатор, нелепо вращаясь вокруг собственной оси. — Мясник с «Вектора»! Он снова принялся за старое! Запер нас в холодильнике ради своей чертовой статистики!

Паника мгновенно охватила толпу. Десятки глоток начали проклинать капитана Вэнса.

В дальнем конце коридора с шипением разошлись тяжелые бронедвери, раздвинутые вручную. лейтенант Кайд выплыл в обесточенный сектор. Никакой потери ориентации. Безопасник двигался короткими, выверенными толчками от стен, идеально контролируя инерцию. За его спиной, оцетившись парализаторами, скользил тактический отряд. Поверх яркой уставной бордовой формы на бойцах топорщились тяжелые серые композитные жилеты.

лейтенант просканировал визжащую кучу-малу профессионально-параноидальным взглядом. Ему не требовались

сканеры Иллис, чтобы понять, вероятность открытого бунта перевалила за критическую отметку прямо у него на глазах.

Кайд не стал тратить секунды на цитирование протоколов урегулирования конфликтов. Он резко извлек из кобуры тяжелый армейский плазмомет, навел короткий ствол в потолок, подальше от магистралей хладагента, и нажал на спуск. Раскаленный сгусток энергии вгрызся в потолочную панель и брызнул во все стороны снопом золотистых искр. Резкий запах жженого озона и плавленого полимера мгновенно выжег из ноздрей ароматы пота и страха.

Толпа заткнулась. Абсолютно и бесповоротно.

В ледяном воздухе повисла мертвая тишина, прерываемая лишь прерывистым дыханием испуганных людей и тихим треском остывающего на потолке пластика. Кайд медленно опустил дымящийся ствол. Его пустые темные глаза прошли по застывшим в воздухе матросам. Бойцы службы безопасности за его спиной синхронно передернули затворы штурмовых винтовок, создавая идеальный шумовой акцент для начальства.

— Еще один звук, — голос Кайда звучал неестественно тихо, но пробивал до печенок. — И я лично примотаю самого громкого болтуна синей изоляцией Грома к ближайшей переборке. Снаружи корпуса.

Пухлый навигатор судорожно открыл рот, но под тяжелым взглядом безопасника подавился собственным вдохом. Кайд жестко завис, ухватившись левой рукой за потолочную ско-

бу.

— Капитан не убивает вас, кретины неблагодарные. Капитан спасает реактор от каскадного разрушения, — лейтенант презрительно сплюнул. — Вся энергия ушла на щиты. Мы застряли внутри гравитационной мясорубки Предтеч. Если Вэнс не удержит ядро, через сто секунд вы не задохнетесь в темноте. Вы испаритесь на атомы. Разница принципиальная?

Суровая логика сработала эффективнее плазменного выстрела. Животная паника отступила. Вместо нее пришел холодный, четко структурированный страх, самый надежный инструмент выживания в глубоком космосе. Кайд громко щелкнул фиксатором, убирая оружие обратно в кобуру.

— А теперь слушать мою команду! — рявкнул лейтенант на весь коридор. — Вскрыть рундуки выживания! Надеть аварийные термокостюмы! Занять места согласно расписанию боевой тревоги! Двигаться медленно, включить магнитные подошвы! Кто пробьет голову из-за спешки, оставлю истекать кровью!

Отряд в серых бронежилетах мгновенно пришел в движение. Бойцы начали грубо растаскивать застрявших в невесомости техников к нишам с аварийным снаряжением. Люди заработали руками, судорожно цепляясь за поручни, извлекая плотные оранжевые пакеты и натягивая изолирующую ткань прямо поверх формы. Процесс в микрогравитации напоминал акробатическую комедию, но страх перед удушьем заставлял пальцы работать с удвоенной скоростью.

Глава 7: Десятикратный разгон

«Параллакс» проваливался в гравитационную воронку Кассиопеи-7, словно жестяная банка, брошенная в промышленный шредер. Пространство за обзорным экраном изгибалось, корчилось и выло, стонали сами переборки корабля, не выдерживая запредельного давления. Компенсаторы перегрузок захлебывались, их заунывный механический вой напоминал плач обреченных душ, не справляясь с чудовищной хваткой квазара. Корпус крейсера содрогался под напором искаженного континуума, и каждый шов, каждая заклепка, вбитая на верфях Центавра, теперь проходила проверку на прочность в жерле ада.

— Эйда, доложи состояние структурной целостности! — прохрипел Вэнс, пытаясь протолкнуть слова сквозь невидимую плиту, придавившую грудную клетку к позвоночнику.

— Сэр, целостность корпуса составляет девяносто четыре процента и падает со скоростью треть процента в секунду, — отозвался спокойный альт ИИ, который в этом хаосе звучал пугающе неуместно. — Гравитационные якоря бесполезны. Нас затягивает за горизонт событий. Рекомендую начать процедуру прощания с близкими, если таковые имеются в вашей базе данных.

Ребра Вэнса угрожающе хрустнули, когда очередная волна гравитационного смещения вжала его в ложементы крес-

ла с силой многотонного пресса. Капитан видел сквозь пелену помех на мониторах настоящую агонию мостика: искры летели из разбитых панелей, голограммы мерцали в предсмертных судорогах, а воздух наполнился едким запахом озона. Осознание страшного факта прошило мозг ледяной иглой: совершенная техника Конкордата оказалась абсолютно бессильной против древних технологий Архитекторов. Уставные протоколы превратились в мусор, а хваленые алгоритмы Эйды пасовали перед искаженной геометрией пространства, которая не знала жалости. Требовалось немедленное, грубое ручное вмешательство, иначе крейсер просто разорвет на субатомные частицы в ближайшее мгновение.

— Эйда, передай управление на мой нейрошунт! — приказал Вэнс, чувствуя, как сознание начинает уплывать в спасительную темноту обморока.

— Сэр, риск нейронного выгорания превышает девяносто процентов, — ответила машина, пока по экранам ползли глитч, напоминающие росчерки когтей. — Ваша органическая матрица не предназначена для прямой синхронизации с ядром в условиях такого шума.

— Делай, что сказано, или я выдерну твой процессор лично! — рявкнул он.

Искусственный интеллект сообщил о критическом искажении метрики пространства вокруг судна, и эти данные всплыли прямо перед глазами Вэнса, выжигая сетчатку холодным неоновым светом. Температура в отсеках стреми-

тельно падала, так как капитан приказал перебросить все доступные ресурсы на носовые фазированные щиты, оставляя экипаж замерзать в темноте. За бортом «Параллакса» реальность превратилась в безумный калейдоскоп: звезды растягивались в длинные светящиеся иглы, а тьма приобрела плотность и вкус старого железа. Корабль стонал, его стальные кости вибрировали на частоте, от которой лопались зубы, а в голове Вэнса рождались образы чудовищного величия давно ушедших хозяев этого сектора.

— Мы теряем палубу девять! — донесся сквозь гул искажений голос Лины Вонг, пилота, чья консоль превратилась в грудку оплавленного пластика. — Гравитационный сдвиг разрывает обшивку в инженерном!

— Гром, ответь! — Вэнс активировал панель интеркома.

В инженерном отсеке разверзся настоящий индустриальный ад, где сама сталь протестовала против воли людей. Лопались массивные переборки, выплевывая облака раскаленного радиоактивного пара, который мгновенно заполнял пространство, ослепляя техников и превращая отсек в непроглядную серую гробницу.

Гром орал команды, перекрывая яростный гул умирающего реактора, который вибрировал так, словно внутри билось сердце раненого бога. Техники скользили по палубе, залитой маслом и хладагентом, пытаясь удержать тяжелые клапаны охлаждения голыми руками, пока автоматика окончательно сдавалась и отключалась. Главный инженер выглядел

как демон из древних преданий: черный от копоти, с горящими безумным огнем глазами и зажатым в зубах куском изоляции.

Пар сдирал кожу с рук.

— Борис, держи правую заслонку! — надрывался Гром, упираясь сапогами в вибрирующую переборку. — Если этот фланец сорвет, мы все отправимся на свидание с Архитекторами раньше, чем успеем помолиться!

— Держу, шеф! — отозвался здоровяк, чей голос доносился откуда-то из-под завалов обрушившихся лесов. — Но эта сука давит так, будто за ней стоит вся масса гребаной галактики!

Вибрация огромных труб достигла предела, угрожая разорвать корпус «Параллакса» изнутри и выплеснуть накопленную ярость реактора в открытый космос. Раскаленный пар обжигал легкие, а гравитация пыталась вбить их в палубу, но люди продолжали тянуть рычаги, игнорируя стоны собственных костей.

— Еще немного, Балу! Дави всем весом, старый ты ворчун! — Гром навалился на лебедку, чувствуя, как плечевой сустав выходит из сумки с глухим щелчком.

— Я давлю, Гром! Но кажется, эта труба сейчас решит, что ей пора стать сингулярностью! — прохрипел Иванов, обливаясь потом, который мгновенно испарялся на горячем металле.

Вэнс на мостике видел все это через мутную пелену помех

и понимал, что время утекает, как вода сквозь пальцы. Капитан закрыл глаза, позволив нейрошунту полностью завладеть его сознанием, стирая грань между человеческим телом и машиной.

Он стал кораблем, он чувствовал боль каждого шпангута и жар каждого кабеля, проходящего сквозь его виртуальные вены. В этом состоянии математической ясности он увидел единственный выход, путь, который не был описан ни в одном учебнике Академии Флота. Гравитационная воронка Кассиопеи-7 требовала дани, и Вэнс приготовился заплатить ее, даже если ценой станет его собственная рассудительность. Выхода не существовало, его нужно создать.

«Параллакс» содрогнулся от очередного удара, который казался финальным. Магистраль высокого давления в инженерном отсеке не выдержала издевательств физики и лопнула с оглушительным, металлическим звоном, напоминающим предсмертный крик огромного зверя.

Струя перегретого, флуоресцентно-зеленого антифриза ударила в переборку, мгновенно превращаясь в радиоактивный туман, который заполнил сектор ядовитой взвесью. Металлическая крошка и искры от разорванных кабелей заплясали в воздухе, создавая безумный фейерверк посреди индустриального ада девятой палубы.

— Давление в контуре критическое! — заорал кто-то из техников, пытаясь перекрыть гул.

Борис Иванов, ветеран сотен аварийных смен, среагиро-

вал раньше, чем осознал масштаб катастрофы. Он не раздумывал о героизме или медалях, просто бросился грудью на раскаленный клапан, заслоняя собой молодых ребят от смертоносного потока. Тяжелая струя антифриза ударила ему в плечо, прожигая комбинезон и вгрызаясь в плоть с шипением, от которого кровь стыла даже у бывалых механиков.

— Держитесь, пацаны! — прохрипел Балу, сцепив зубы до крошева.

Крик ветерана утонул в реве реактора, когда он повалился на раскаленную палубу, окутанный облаком пара.

Гром ворвался в зону прорыва через мгновение, игнорируя вопль дозиметра, который зашелся в истерическом писке. В руках инженера вместо положенного по регламенту ремонтного комплекта сверкнул невзрачный рулон. Синяя полимерная лента, легендарный артефакт гаражной инженерии, выглядела нелепо на фоне высокотехнологичной катастрофы.

— Уйди с дороги, увалень! — Гром оттолкнул одного из застывших в ужасе помощников.

Он действовал вопреки всем учебникам Академии Конкордата, запрещающим приближаться к пробую без свинцового экрана.

Гром вцепился в края рваной дыры голыми руками, кожа на ладонях мгновенно покрывается пузырями от жара. Ему было плевать на правила безопасности и параграфы о радиационной гигиене.

— Давай, зараза, держись! — рычал инженер, наматывая слой за слоем клейкую ленту поверх шипящего металла.

Полимер плавился, но чудо химической промышленности Конкордата творило невозможное. Пробоина, которую полагалось заваривать промышленным лазером в условиях стационарного дока, начала поддаваться. Гром выигрывал те самые секунды, которые отделяли «Параллакс» от превращения в облако расширяющейся плазмы.

— Блокируй подачу! Сейчас рванет! — скомандовал он, налегая на рычаг.

Техники, очнувшись от оцепенения, синхронно дернули аварийные заслонки, отсекая поврежденный участок от активной зоны.

На мостике в это время разыгрывалась драма иного толка, куда более тихая, но не менее смертоносная. Иллис застыла в своем кресле, ее пальцы, еще секунду назад порхавшие над голографической клавиатурой, неподвижно зависли в воздухе. В ее сознание, выстроенное на идеальной логике Сайленской Доминации, хлынул поток чужеродного, хаотичного кода. Пакет данных Архитекторов оказался не просто набором координат, а изощренным троянским вирусом, ждавшем своего часа тысячи лет.

— Капитан, все научные данные получены, задание выполнено... Вместе со сводкой получен сигнал, данные... зашифрованы... — голос Иллис превратился в механическое

скрежетание.

Вэнс мгновенно обернулся к научному офицеру, чувствуя, как внутри все сжимается от нехорошего предчувствия.

— Иллис, рапорт! Что происходит с системой? — капитан подался вперед, вглядываясь в лицо помощницы.

Глаза сайлена внезапно вспыхнули агрессивным оранжевым светом, а по шее пробежали мелкие искры короткого замыкания. Вирус Архитекторов атаковал ее нейронную сеть, перемалывая алгоритмы Доминации с эффективностью молекулярного дезинтегратора.

— Критическая ошибка... вторжение... — вытолкнула она последнюю фразу.

Голова Иллис безвольно упала на грудь, и все диоды на ее затылке разом погасли.

— Мы потеряли научный сектор! Она в полном шотдауне! — выкрикнула Лина Вонг, пытаясь разобраться с бесполезными сейчас консолями управления.

Вэнс остался один на один с гравитационным штормом, без навигационных расчетов и связи с внешним миром.

Ситуация оставалась критической: Иллис была вне игры, Балу выведен из строя, а «Параллакс» продолжал балансировать на грани аннигиляции. Капитан коснулся разбитой панели управления, чувствуя под пальцами острые края пластика, и приготовился к следующему раунду борьбы. Его расчеты показывали, что у них осталось менее трех минут до

того, как синяя изоленга Грома сдастся под напором жара.

Голограммы на мостике, еще секунду назад бодро рисовавшие схемы секторов, мигнули в последний раз и окончательно сошли. Корабль неумолимо затягивало в бездну.

— Тяги нет! — Лина Вонг яростно молотила по погасшим панелям управления, пытаясь выжать хоть каплю жизни из мертвого железа. — Эти гребаные Архитекторы выключили нам розетку! Мы падаем, кэп! Прямо в пасть этой светящейся хреновине, и горизонт событий уже облизывается, глядя на нашу корму!

Ренна Тал едва удержалась на ногах, когда очередной гравитационный пинок впечатал «Параллакс» в складку пространства. Она вцепилась в край тактического стола с такой силой, что металл жалобно хрустнул под ее пальцами. Старпом выглядела как воплощение ярости, но в глубине ее глаз, подсвеченных алым маревом, плескался холодный расчет профессионального смертника.

— Вэнс! — прорычала она, пытаясь перекричать скрежет обшивки. — Очнись, чертов вундеркинд! Нас несет к горизонту событий, и если ты сейчас не выдашь гениальный план, то на этом наше великое приключение и закончится!

Капитан Вэнс не отвечал. Его грудную клетку сдавило невидимым обручем, а каждый вдох давался с таким трудом, словно он пытался дышать жидким свинцом. Перед глазами плыли кровавые пятна, в которых отчетливо проступали контуры эсминца «Вектор». Тот же запах гари. Тот же баг-

ровый свет. Та же безысходность в глазах людей, запертых по ту сторону гермозатвора. Прошрое, которое он так старательно паковал в коробки устава, вырвалось наружу и начало пировать на его страхе.

Паника накрыла его ледяной волной.

— Один, — едва слышно прошептал Вэнс, и его палец непроизвольно дернулся, ударив по кожаному подлокотнику.

Мир вокруг сузился до размеров крошечного пятна света. Вэнс перестал видеть дым, перестал слышать крики Ренны и стон умирающего металла. Для него остались только абстракции. Числа. Векторы. Математика, которая всегда была чище и честнее, чем любая человеческая эмоция. Ему нужно было заземлиться, найти точку опоры в этом хаосе, иначе его разум просто схлопнется внутрь себя, как умирающая звезда.

— Один, — повторил он, и второй удар пальца лег в такт первому.

Ренна Тал сделала шаг к нему. Она видела это остекленевшее выражение лица слишком часто на поле боя. Люди ломались под давлением, превращаясь в пустые оболочки. Старпом не собиралась покорно ждать финала, пока их капитан играет в гляделки с пустотой.

— Капитан, если вы сейчас не родите приказ, я лично выкину вас из этого кресла! — заорала она, хватая его за воротник кителя.

— Два, — Вэнс даже не моргнул, когда ее лицо оказалось в сантиметрах от его собственного. — Не мешайте, старпом. Я считаю.

Ренна осеклась, пораженная холодным, почти мертвенным спокойствием в его голосе. Это не был голос человека в панике. Это был голос процессора.

Она медленно разжала пальцы, чувствуя, как по палубе пробежала очередная судорога. Гравитационные тиски пульсара Кассиопеи-7 сжимались, превращая «Параллакс» в помятую консервную банку, но Вэнс продолжал свой странный ритуал.

— Три, — отстукнул он, и в его мозгу вспыхнула схема гравитационных линз.

— Лина, готовь маневровые к залпу по моей команде! — Вэнс вдруг резко подался вперед, вцепляясь в ручное управление. — Мы не будем бороться с тягой. Мы используем ее как пращу. Но для этого мне нужно, чтобы корабль превратился в снаряд. Чистая физика, Лина. Никакой магии.

Пилот лишь коротко кивнула, вытирая пот со лба. Она понимала, что Вэнс затеял нечто безумное. Попытаться переиграть гравитацию квазара, как пытаться переспорить лавину, но альтернативой была только быстрая и очень горячая смерть. Лина положила руки на рычаги, чувствуя, как «Параллакс» содрогается под напором аномалии.

— Пять, — Вэнс почувствовал, как боль в груди начинает отступать, сменяясь звенящей ясностью.

— Капитан, устав Конкордата запрещает ручное вмешательство в работу гравитационных компенсаторов при таких нагрузках! — Ренна автоматически процитировала параграф, скорее по привычке, чем из реального опасения. — Вы же знаете, что произойдет на девятой палубе, если мы закрутим корабль!

— Устав написан для тех, кто планирует жить вечно в кабинетах Центавра, Ренна! — Вэнс оскалился в нехорошей, почти хищной улыбке. — Здесь и сейчас у нас есть только инерция и наше нежелание сдохнуть. Гром, ты слышишь меня?! Дай мне максимум на правый борт, когда я скажу!

Интерком отозвался только треском и приглушенным ревом пара.

— Восемь, — капитан закрыл глаза, представляя, как линии гравитации обвивают корпус судна.

Его пальцы двигались по подлокотнику в безупречном ритме. Числа Фибоначчи выстраивали в его сознании идеальную спираль, по которой они могли выскользнуть из этой ловушки. Тринадцать. Двадцать один. Каждое новое число открывало перед ним новый слой реальности, где «Параллакс» перестал быть грудой железа и превратился в математическую точку. Он видел, как энергия квазара пульсирует, создавая микроскопические окна стабильности между вспышками.

— Тридцать четыре, — прошептал он, и его рука замерла над кнопкой сброса инерционных якорей.

— Мы теряем щиты! Десять процентов! — выкрикнула Лина. — Кэп, сейчас или никогда! Мы входим в зону невозврата!

Вэнс чувствовал, как сознание начинает двоиться. Образы прошлого и настоящего смешались в единый поток боли и цифр. Он видел лица тех двенадцати матросов, но теперь они не обвиняли его. Они словно подталкивали его вперед, требуя, чтобы в этот раз результат был иным. Математика не должна была стать оправданием смерти. Она должна была стать инструментом жизни.

— Пятьдесят пять! — Вэнс с силой вбил финальный ритм в кожу кресла.

Глава 8. Бог из машины

Вэнс замер в командирском кресле. Его тело перестало принадлежать ему. Сознание, подстегнутое аварийным разгоном нейропорта, хлынуло в оптоволоконные вены «Параллакса». Пластик и медь заменили кожу и кости. Из-под воротника кителя потянулся тонкий ручеек серого едкого дыма, пахнувшего паленой кожей и пластмассой.

Мир органических чувств схлопнулся до размеров искрящейся точки. Капитан перестал дышать легкими, теперь он вытягивал разреженный вакуум через внешние воздухозаборники. Его разум растекся по двенадцати палубам, превращаясь в чистую информацию, пульсирующую в ритме главного реактора.

Сердце замерло. Процессоры корабля приняли человеческую искру, переваривая ее и вплетая в код.

— Капитан, ваш индекс синаптического стресса превысил норму на четыреста процентов. — Голос Эйды звучал прямо внутри черепной коробки.

— Не сейчас, Эйда. Я просто смотрю под капот этой развалюхи. — Мысленный ответ Вэнса отозвался помехами в радиоэфире.

Фантомная боль прошла разум. Внешние антенны сенсорного массива, срезанные гравитационным сдвигом, отозвались в мозгу Вэнса ощущением вырванных с корнем зу-

бов. Он видел корабль изнутри и снаружи одновременно. Время превратилось в густой сироп, позволяя капитану разглядеть каждую искру в поврежденных кабелях. Прежде чем вытаскивать крейсер из пасти квазара, ему нужно было удерживать экипаж от гибели в эти решающие секунды.

Своим всевидящим внутренним взором он начал выхватывать локальные катастрофы на борту.

В четвертом секторе ледяной туман уже оседал на переборках, сковывая движения людей, превращая их в медлительных, дрожащих призраков. Но острее всего пульсировала угроза на третьей палубе. Вэнс «увидел» энсина Торна. Молодой безопасник, распластаный по рифленому полу гравитационным сдвигом, отчаянно пытался отползти от заклинившей гермодвери. Массивная стальная створка, сошедшая с направляющих после серии пространственных ударов, теперь неумолимо ползла вниз, сыпля искрами. Механизм издавал жуткий скрежет, грозя перерубить парня пополам. Торн сдирал ногти о металл, пытаюсь зацепиться, но перегрузка держала его мертвой хваткой.

Вэнс не стал тратить драгоценные миллисекунды на вызов техников. Его сознание напрямую дотянулось до контроллера пневматики сектора. Он «почувствовал» физическое сопротивление выгоревших предохранителей и программный ступор узла. Короткий, безжалостный цифровой импульс, пущенный в обход всех уставных систем безопасности и пневматика взвыла, получив прямой заряд от аварий-

ной шины. Дверь с натужным, почти болезненным скрежетом отстрелила вверх и намертво зафиксировалась в верхних пазах. Торн кубарем откатился в безопасную зону, тяжело дыша. Он поднял голову, ошарашенно глядя прямо в объектив камеры наблюдения, на котором ровным светом загорелся зеленый диод.

Сознание капитана, не задерживаясь, скользнуло ниже, в медицинский отсек. Там царил крошечный ад, пропитанный запахом озона и свежей крови. Доктор Варрик метался между переполненными койками, грязно ругаясь на трех разных языках. Медицинский софт «Параллакса» намертво завис от очереди электромагнитных вспышек квазара. Дорогие диагностические капсулы замерли в аварийном режиме, истошно пища об ошибках, а многорукие хирургические медроботы безвольно опустили манипуляторы прямо над открытыми ранами пациентов, выдавая бесконечные логи десинхронизации.

Вэнс погрузился в локальную сеть медотсека. Он увидел, как громоздкие, написанные кабинетными теоретиками протоколы безопасности Конкордата зациклились, блокируя работу оборудования при нестабильном напряжении. Капитан одним волевым усилием снес этот конфликтующий мусор, намертво стерев целые блоки кода, и жестко перезагрузил сеть напрямую от резервных батарей отсека.

Ступор спал мгновенно. Капсулы приветственно пискнули, возобновляя сканирование жизненных показателей, а

медроботы с тихим жужжанием вернулись к прерванным операциям, филигранно стабилизируя тяжелых пациентов. Варрик, уже занесший над пациентом ручной инструмент, на секунду замер.

Ксенобиолог удивленно вскинул надбровную дугу, посмотрел на ожившую технику, а затем повернулся к ближайшей камере и саркастично отсалютовал в объектив окровавленным скальпелем.

Вэнс провалился еще глубже. Восьмая палуба.

В узком коробе магистральной вентиляции, прямо напротив скрытого оптического сенсора, капитан уловил неестественное шевеление. Две выжившие корсиканские хищные пиявки, сбежавшие из разбитого террариума Варрика во время первой встряски, упруго подтягивались к вентиляционной решетке. Их мускулистые, лишённые глаз тела безошибочно реагировали на тепло. А прямо за решеткой, в слепой зоне, группа техников в полумраке пыталась перекрыть порванный трубопровод с хладагентом. Они были идеальной, неподозреваемой добычей для изголодавшихся тварей.

Вэнс не стал тратить время на предупреждения по интеркому, в таком грохоте его бы просто не услышали, да и паника лишь усугубила бы ситуацию. Вместо этого он перехватил управление ближайшей турбиной охлаждения. Проигнорировав красные предупреждения о риске поломки, капитан выкрутил мощность вентилятора на двести процентов. Воз-

духовод взвыл, словно турбина атмосферного истребителя. Смертоносных тварей мгновенно оторвало от стенок короба ураганным потоком и затянуло прямо в лопасти. Послышался влажный хруст. Пиявок разрубило на куски за долю секунды, превратив биологическую угрозу в облако зеленоватой слизи, густо осевшей на фильтрах очистки. Техники по ту сторону решетки лишь удивленно поежились от внезапного ледяного сквозняка, так и не узнав, насколько близко они были от смертельной опасности.

Локальные угрозы были подавлены, Вэнсу на это потребовались считанные секунды.

Но макроугроза никуда не делась. Неконтролируемое вращение крейсера мешало активации прыжка. Автоматика Параллакса полностью вышла из строя, ослепленная вспышками Кассиопеи-7. Корабль превратился в безумный волчок, летящий в пасть светящегося монстра. Вэнс внутри системы видел векторы и угловые скорости как пылающие нити. Математика спасения требовала ювелирной точности. Судно необходимо выровнять по вектору вручную ровно на одну и две десятых доли секунды. Малейшая ошибка превратит их в облако элементарных частиц.

Смертельный штопор продолжался.

— Лина, слушай мой ритм. Нам нужно окно в секунду с хвостиком. — Вэнс направил поток данных на консоль пилота.

— Сэр, я не вижу горизонта! Приборы взбесились и показывают погоду на Марсе! — ответила Лина, вцепившись в штурвал.

Вэнс сфокусировал сознание на Лине Вонг и запротоколировал ее ровный пульс. Среди общего хаоса она выглядела пугающе спокойной. Капитан нырнул в глубины зашифрованных архивов, вскрывая скрытые файлы бортового журнала. Пароли рассыпались под его напором. Лина, с позывным «Искра» оказалась вовсе не прилежной выпускницей академии, а бывшим пилотом нелегальных гонок Синдиката под прозвищем Искра. Список ее побед в Пылевом Кольце впечатлял больше, чем все медали Конкордата вместе взятые. Она избежала каторги на урановых рудниках только благодаря этой секретной службе под чужим именем. Настоящий ас в юбке.

Вэнс почувствовал азарт, исходящий от ее биометрии, словно вкус перегретого металла.

— Искра, забудь учебники. Покажи мне, как ты проходила трассу Омега в двадцать втором. — Мысленный импульс капитана ударил в нейронный интерфейс Лины.

— Откуда вы... Ладно, к черту секреты! Подержите мое пиво, капитан! — Лина оскалилась, и ее глаза вспыхнули азартом.

Капитан передал расчетный таймер прямо на сетчатку пилота. Цифры замелькали перед Линой, превращаясь в ритм. Девушка отбросила официальные инструкции Конкордата,

работая исключительно на интуиции гонщицы Синдиката. Ее пальцы затанцевали по тумблерам маневровых двигателей. Ювелирные импульсы плазмы короткими вспышками ударили в пустоту. Корабль содрогнулся, протестуя против резких смен курса. Штопор начал замедляться. Крейсер замер на идеальном векторе на долю секунды.

— Стабилизация достигнута. Пять минут до раскрытия окна. — Эйда констатировала успех холодным синтетическим голосом.

— Мы сделали это, кэп! Мы замерли прямо на острие иглы! — Лина тяжело дышала, не выпуская штурвал.

Но идеального вектора оказалось недостаточно. Гравитация квазара вцепилась в корму Параллакса, словно коллектор в горло злостного неплательщика. Вэнс ощущал это не через датчики, а всей поверхностью своего расширенного сознания, которое теперь пульсировало в такт измученным силовым узлам. Сознание капитана стекло вниз, к самому сердцу инженерного хаоса. В девятом отсеке, среди воя сирен и шипения перегретого пара, металась фигура главного инженера. Гром выглядел как выходец из преисподней, его обожженные по локоть руки, торопливо обмотанные слоями верной синей изоленды, судорожно дергали рычаги. Тьма забила все углы, превращая инженерку в гробницу.

Вэнс видел это безумие глазами сервисных камер. Техники яростно колотили в заблокированные гермодвери, отре-

зая инженеру путь к спасительному рычагу резонатора, пока иней покрывал их застывшие комбинезоны. Металл стонал под напором квазара, словно живое существо в тисках палача. Вэнс словно сам ощутил холод каждой пластиной обшивки.

— Гром, не ломай дверь, я сейчас подам питание на приводы! — Прохрипел капитан прямо в черепе инженера.

— Кэп? Ты чего там, в розетку переехал окончательно? Голос звучит как из ведра с ржавыми гвоздями! — Инженер даже не обернулся, продолжая бороться с заклинившим клапаном. — Нас сейчас в макароны вытянет, если не добавим тяги! Навигация сдохла, а корму словно клещами держат!

Вэнс внезапно вспомнил официальное досье главного инженера. Там хранилась история о том, как гениальный механик Гром умудрился спустить чертежи новейшего крейсера в подпольном казино на Внешнем Кольце. Лудомания в терминальной стадии. Гром видел в каждом физическом процессе великую игру вероятностей, воспринимая гравитацию как наглого крупье. Именно эта страсть к риску требовалась Параллаксу сейчас.

Капитан сбросил на планшет Грому схему, от которой любой нормальный инженер моментально поседел бы. План предполагал превращение маршевых двигателей в одну большую плазменную гранату, направленную внутрь собственной дефлекторной решетки.

— Ставим на «зеро», старик. — Мысленный импульс Вэн-

са нес в себе ледяную уверенность. — Короты клапаны маршевых. Взрываем плазменную пробку прямо в дефлекторы. Нам нужен кинетический пинок, а не полет. Рисуем всем железом разом.

— Ты сумасшедший, кэп. Нас же по всей системе мелкими брызгами размажет! — Гром оскалился, и в его глазах вспыхнул тот самый азарт. — Но знаешь что? Мне нравится этот расклад. Погнали играть по-крупному, пока крупье не видит!

Гром вцепился в рубильники. Синяя изоленга на руках инженера уже не просто дымилась, она горела открытым пламенем, но Гром не разжимал пальцев, ставя ва-банк против самой Вселенной. Радиация вокруг зашкаливала, заставляя аварийные дозиметры визжать на одной непрерывной ноте. Металл магистралей протяжно стонал, не выдерживая запредельного внутреннего давления накапливающейся плазмы. Вэнс, чье сознание напрямую считывало микротрещины в трубах и геометрию пространства, холодно оценивал нарастающий хаос.

— Еще рано, Гром, — прозвучал искаженный помехами голос капитана из ближайшего динамика. — Угол сброса не совпадает с фокусом дефлекторной решетки. Если рванешь сейчас, взрыв пойдет внутрь, и мы испаримся. Держи клапаны закрытыми!

— У меня кожа плавится, Ваше Сиятельство! — прорычал инженер, упираясь сапогами в вибрирующую палубу и

сжимаемая челюсти до хруста. — Трубы сейчас лопнут!

— Держи. Я считаю. Еще две секунды.

Вэнс вцепился в остатки реальности, сводя воедино потоки цифр, смещение гравитационных полей и физическую боль перегретого корабля. Миллисекунды растянулись. Синхронизация фокуса достигла идеальной отметки.

— Рви! — скомандовал капитан. Гром с диким, нечеловеческим воплем окончательно рванул предохранители на себя. Оглушительный грохот сотряс корпус, словно гигантский молот ударил по стальной наковальне «Параллакса». Плазменная пробка, лишенная сдерживающих контуров, с чудовищной яростью вырвалась наружу и сдетонировала точно внутри дефлекторной решетки.

Силовая сеть «Параллакса» вспыхнула слепящим светом и тут же погасла, не выдержав чудовищной нагрузки. Вэнс ощутил этот провал напряжения как резкую остановку собственного сердца, половина его электронных «глаз» мгновенно ослепла.

— Святые шестеренки, решетка испаряется! — закашлялся Гром, отброшенный взрывной волной в угол отсека, но в его хриплом голосе звучал дикий триумф. Массивный дефлектор действительно перестал существовать, сгорев в плазменном аду дотла, но его жертва не была напрасной. Взрыв, жестко срикошетивший от исчезающего металла, дал кораблю тот самый, математически выверенный кинетический толчок, вырывая ослепший крейсер из мертвой хватки

квазара.

— Получай, гадина гравитационная! — Гром захохотал, когда корабль резко дернулся вперед. — Джекпот наш!

— Всем приготовиться к прыжку! — Вэнс выкрикнул команду в общий эфир. — Эйда, полный сброс на Резонатор! Лина, запускай варп-прокол. Сейчас или никогда!

— Всегда готовы, сэр. Только не забудьте стереть те файлы из моего досье. — Лина подмигнула темному экрану.

В эту же микросекунду Вэнс активировал Резонатор. Вспышка квазара Кассиопеи-7 озарила мостик в последний раз.

— Разрыв пространства на Слепое Пятно. Увидимся на той стороне, если повезет. — Ренна Тал крепче сжала подлокотники.

Пространство перед носом крейсера разорвалось, обнажая сияющую бездну подпространства. Корабль нырнул в разлом, затягивающий изувеченный крейсер в микроскопический прыжок. Перегрузка вдавила экипаж в палубы, ломая кости и надежды. Вселенная вывернулась наизнанку.

Мир вокруг капитана взорвался тысячей ослепительных искр. Резкий разрыв нейронного слияния ударил по мозгу Вэнса, словно высоковольтный разряд в десять тысяч вольт. Капитан выгнулся в кресле, его тело свело жуткой конвульсией, а из нейропорта на затылке повалил густой серый дым. Темная кровь густыми каплями потекла из носа и ушей,

мгновенно пачкая китель. Нейропорт остывал, оставляя после себя жгучую боль и запах гари. Органика возвращалась.

— Кэп! Держитесь, черт вас дери! — Ренна Тал бросилась к нему, пытаясь удержать бьющееся в судорогах тело.

— Связь... разорвана... — Прохрипел Вэнс, прежде чем его глаза закатились. — Мы ушли? Скажите, что мы вырвались из этой чертовой дыры...

На мостике повисла мертвая, звенящая тишина, прерываемая лишь прерывистым гулом аварийных батарей. Ренна Тал вскрыла индивидуальный пакет первой помощи. В воздухе висел тяжелый, тошнотворный запах поджаренного мяса, горелой проводки и нечистот из пробитых магистралей четвертой палубы. Весь экипаж лежал вповалку, избитый перегрузками и оглушенный взрывом. Параллакс дрейфовал в полумраке. Экраны мостика транслировали абсолютное ничто. Корабль превратился в стальной гроб в пустоте.

Мрак медленно отступал, уступая место тягучей серой боли. Вэнс пришел в сознание, чувствуя, как каждое движение отзывается в голове ударом колокола.

— Доложите... обстановку. — Голос Вэнса звучал чуждо, словно принадлежал старику. — Почему на экранах темно? Где звезды?

— Звезд нет, капитан. — Лина Вонг подала голос из навигационного кресла, ее голос дрожал. — Оптика выжжена взрывом Грома. Внешние радары остались на том волнорезе. Мы ослепли окончательно. Дрейфуем в полной пустоте.

Вероятность выживания стремительно падала к нулевой отметке. Потемневшая от копоти фигура Иллис зашевелилась в углу. Несмотря на повреждения, ее системы продолжали обрабатывать данные, поступающие от независимых гравиметрических датчиков, спрятанных глубоко под броней. Иллис переключилась на резервный канал связи.

— Прямо... по курсу... масса. — Проскрипела она, указывая на пустой экран. — Объект чудовищной плотности. Гравитационный захват начался. Мы падаем на него. У нас нет тяги, чтобы увернуться.

— Опять? Только не это. — Вэнс попытался подняться, но силы окончательно покинули его.

Ощущение полной беспомощности накрыло капитана, словно тяжелое одеяло. «Параллакс», слепой и искалеченный, неумолимо падал навстречу неизвестной угрозе.

Резкая боль разорвала виски Вэнса и ушла в темечко. Тьма снова забрала его в свои успокаивающие объятия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.